

ФРЕКЕН МОД
ЗАДУМАЛА
ЧТО-ТО НЕДОБРОЕ

ХЕЛЕНА
ТУРСТЕН

ФРЕКЕН МОД

ЗАДУМАЛА

ЧТО-ТО НЕДОБРОЕ

ХЕЛЕНА
ТУРСТЕН

Хелена Турстен

**Фрекен Мод задумала что-то
недоброе**

© Helene Tursten, 2020

© Николаева М., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Фрекен Мод сталкивается с жилищными трудностями

Внезапная трель дверного звонка прорезала тишину. Мод неподвижно сидела в кресле, не делая и малейшей попытки встать. Она знала, что звонок вскоре раздастся снова. А потом – снова. И снова. За последние несколько недель она привыкла.

Причиной этому послужила совершенно особенная жилищная ситуация Мод.

Квартира – единственное, что семейство Мод смогло сохранить после того, как отец скоропостижно скончался от инфаркта. Отцу с успехом удавалось держать лицо перед своим окружением, но после его смерти выяснилось, что он пребывал на грани банкротства. Семейные юристы утрясли все сложные вопросы, после чего денег у семейства не осталось вовсе. Единственное, что оставалось у них ценного, – доходный дом в районе Вазастан. После продажи дома адвокаты семейства заключили соглашение с новым владельцем. Если коротко, то суть его сводилась к тому, что вдова и две ее дочери могли продолжать жить в своей квартире без всякой платы. Им вменялась лишь оплата счетов за электричество, воду и отопление. Такое соглашение стало возможным благодаря тому, что дом был продан по весьма привлекательной для покупателя цене. В конце договора был параграф следующего содержания:

«До тех пор, пока кто-то из членов семьи использует квартиру для собственного проживания, никакая плата не должна взиматься». Несколькими строчками ниже раскрывалось понятие «член семьи»: таковыми считались лишь вдова покойного и ее дочери. С тех пор, как договор был подписан, миновало уже семьдесят лет, и тогда, конечно, никто не мог себе представить, что одна из дочерей останется в живых.

Само собой, когда много лет спустя недвижимость переоформляли как жилищный кооператив, возник спор о правильности толкования старого договора купли-продажи. После ожесточенных баталий в суде Мод смогла отстоять свои права и сохранила за собой привилегию

проживать в квартире бесплатно. Правление жилкооператива скрипело зубами, но поделаться они ничего не могли. Но им все же удалось одержать небольшую победу над Мод, обязав ее ежемесячно выплачивать небольшую сумму на содержание общедомового имущества.

Когда не стало отца, Мод было восемнадцать. Тогда в один миг перевернулась вся ее жизнь. Мод пришлось взвалить на свои плечи заботу об утратившей волю к жизни матери и о психически больной сестре Шарлотте. Мать умерла через два года после отца. Все вновь изменилось, когда тридцать лет спустя не стало Шарлотты. Лишь тогда Мод впервые получила возможность жить собственной жизнью. Это произошло сорок лет назад.

С тех пор Мод успела посмотреть почти весь мир, и стала весьма опытной путешественницей. И жила, и путешествовала Мод в одиночку, как сама того хотела. Свобода, никакого нытья и никаких проблем. Ведь все, что она прежде видела, были как раз проблемы и нытье. Однако теперь Мод оказалась перед лицом одной из самых больших проблем в своей жизни, и пока что не видела путей ее разрешения.

Мод осознавала, что пытается найти себе оправдание. С широко раскрытыми глазами она шагнула прямо в ловушку. И несмотря на то, что тонкий внутренний голосок пытался ее предостеречь, она никогда и представить бы не смогла, как далеко все это пойдет! А начиналось все вполне невинно.

Весной в их доме поселилась настоящая знаменитость. Это была женщина по имени Ясмин Шиммерхоф, слегка за сорок. Известность она приобрела благодаря известности своих родителей. Будучи единственным ребенком двоих самых выдающихся людей в Швеции, она рано ощутила горечь жизни с родителями, целиком и полностью занятыми собственной карьерой. У них обоих не было или было крайне мало времени на дочь. Она росла вначале под присмотром нянюшек, а впоследствии – в школах-интернатах. Отец ее был успешным финансистом, а мать – всемирно известной оперной певицей. Она постоянно колесила по миру, и редко появлялась дома, рядом с мужем и дочерью. Несколько лет назад она погибла в автокатастрофе в предместье Нью-Йорка. Никто не знал, как это произошло: когда автомобиль врезался в бетонную опору виадука,

певица находилась в салоне одна. Газеты пестрели снимками убитого горем вдовца, только вот дочурки Ясмин нигде не было видно. Репортеры вечерних газет, основательно покопавшись в этом деле, выяснили, что та находилась в частной клинике, куда попала из-за отравления и тяжелой формы зависимости от различных веществ. Под веществами подразумевались легальные и нелегальные наркотики, а также алкоголь. Состояние Ясмин было настолько нестабильным, что она даже не смогла присутствовать на похоронах матери. Фактором, который способствовал развитию зависимости, стал завершившийся за полгода до названных событий брак-разводный процесс с супругом номер два. Оба брака Ясмин были бездетны. На передовицах газет репортеры с упоением расписывали зловещие известия известного семейства. Интерес прессы к этой теме вспыхнул вновь, когда папа – Йэн Шиммерхоф – полгода спустя связал себя узами брака с женщиной на сорок лет моложе себя. На снимках, сделанных папарацци во время венчания пары в Швейцарии, где они в данный момент проживали, отчетливо видно, что невеста находилась на последних сроках беременности. Всего через какой-то месяц Ясмин обзавелась единокровной сестрицей на сорок лет младше себя. Газетные заголовки запестрели спекуляциями на тему автокатастрофы, в которой погибла Мария Шиммерхоф. Действительно ли это был несчастный случай, или певица покончила с собой?

В последующие два года о Ясмин Шиммерхоф ничего не было слышно. По слухам, она занялась написанием мемуаров. Потом из печати вышла книга о ее жизни. Она стала бестселлером – всем было любопытно узнать, что же на самом деле происходило за шикарным фасадом огромной виллы в Эргрюте. Тот факт, что язык произведения оказался убогим, персонажи – плоскими, а само повествование – неуклюжим, промелькнул в некоторых рецензиях, однако публике, очевидно, до всего этого дела не было. В книге было несколько в самом деле пикантных моментов, где Ясмин поливала помоями своих родителей, в основном отца. Из текста явственно следовало, что тот осыпал дочь деньгами, но ни любви, ни внимания от своего отца Ясмин не получала. Без всяких церемоний Ясмин описывала многочисленные интрижки своего отца, и как мать в пику ему тоже ходила налево. Мемуары разлетались как горячие пирожки.

В следующем году Ясмин приобрела квартиру в центре Гётеборга. Квартира располагалась в районе Вазастан, как раз в том доме, где жила Мод. Во всем доме лишь одна эта квартира находилась на цокольном этаже. Там имелся собственный вход, а окна выходили на обе стороны – и на улицу, и на задний двор. С разрешения правления жилкооператива, предыдущий владелец квартиры пристроил к ней небольшую застекленную лоджию, которая выходила в сад. Этот человек владел IT-предприятием и, по слухам, сделал из пришедшей в упадок недвижимости жилье высочайшего класса. Когда он женился и пара стала ждать пополнения, то квартира была продана Ясмин Шиммерхоф, а сам бывший владелец с женой переехали в шикарную виллу на побережье. Ясмин, помимо прочего, привлекала площадь квартиры – сто сорок квадратных метров. После успешного завершения своего книжного проекта Ясмин желала начать новую карьеру. Она собралась стать художницей. Несколько стен в квартире были снесены, чтобы получилась настоящая студия. Ясмин планировала создавать грандиозные произведения, для которых требовалось пространство. Заинтересованные читатели могли следить за ходом строительных работ в блоге Ясмин, который для ясности так и назывался – «Я – Ясмин».

Всю весну Ясмин посвятила работе над своими произведениями. В блоге она писала:

«Я презираю патриархальность и неравенство. Пока я росла, я постоянно подвергалась угнетению, и знаю, насколько это ужасно. Теперь всех угнетателей я желаю щелкнуть по носу и заявить им – «катитесь ко всем чертям!» В октябре в Галлери Хелль состоится моя выставка. Приходите посмотреть на мои новые работы! Прямо сейчас я заканчиваю вещь под названием «ФАЛЛОС, ОН ВИСИТ». Это будет удар по яйцам каждой свиньи мужского пола!»

Все это Мод выяснила за последние недели, прочитав в сети массу различных статей. Блог Ясмин, кстати, оказался не менее информативным. Там можно было посмотреть на фото некоторых ее работ. Полотна были большого формата, краска на них лежала широкими плотными мазками. На красочный слой Ясмин наклеивала кусочки фотографий, ткани, нотную бумагу, тампоны (Мод не сумела

разглядеть, были они использованы, или нет), маленькие фрагменты кости и прочий неидентифицируемый хлам. Словом «хлам» можно было исчерпывающе охарактеризовать мнение Мод об искусстве Ясмин. Названия произведений были «Нет названия I», «Нет названия II», «Нет названия III» и так далее.

Все так называемые скульптуры были созданы по одному шаблону. У каждой наличествовал бетонный пьедестал, в который Ясмин, пока не затвердел бетон, успела напихать всякой ерунды. Там были скульптуры из старых выхлопных систем, из бейсбольных бит, бракованных хоккейных клюшек, клюшек для гольфа, конусообразных предметов с подписями «боеголовка» или «атомная бомба» по сторонам и – последними в очереди, но отнюдь не по значению – следовали колоссальных размеров черные резиновые дилдо. Разумеется, они назывались «Фаллос 1», «Фаллос 2», «Фаллос 3» – продолжать, предположительно, можно было до бесконечности.

«Должно быть, это она для простоты», – подумала Мод.

Каждое утро Мод посвящала часок поиску информации о всяких интересных людях и событиях, сидя за своим маленьким ноутбуком. Но когда в дом въехала сия удивительная персона, Мод не побеспокоилась о том, чтобы выяснить хоть какие-то факты о ее жизни. В то время Мод вовсю готовилась к первому в жизни посещению спа-центра. А после вполне удавшегося визита в спа Мод отбыла на Сардинию. Проведя на острове три чудесных месяца, Мод вернулась в Гётеборг, к себе домой.

Тогда-то все и началось.

Мод была дома всего пару дней, когда внезапно взорвался трелью дверной звонок. В ее дверь крайне редко звонили, но Мод все же вышла в холл, чтобы открыть. В глазок Мод разглядела, что за дверью стояла женщина. Мод в сомнениях приоткрыла дверь. Женщина была хорошенькой и стройной, с мелированными волосами, которые были убраны массивной заколкой из розового пластика. Женщина широко улыбнулась и на одном дыхании преувеличенно громко выпалила:

«Здравствуйте! Меня зовут Ясмин Шиммерхоф, и я переехала сюда весной. В августе я устраивала большую вечеринку по поводу своего новоселья для всех соседей, но вас, к несчастью, дома не было. Поэтому мне захотелось угостить вас кое-чем из того, что мы тогда пили и ели. Могу я войти?»

В общем-то, все люди, с которыми Мод в последнее время общалась, старались говорить громко и избыточно артикулировали, машинально причисляя Мод к категории глухих, что было абсолютно неверно. Деменция коснулась Мод еще в меньшей степени, чем глухота. Однако со временем Мод пришла к выводу, что лучше помалкивать о том, что ее органы чувств прекрасно функционируют. Лучше позволить людям действовать исходя из их собственных предрассудков. Обычно такая тактика приносила свои плоды, позволяя Мод составить собственное впечатление о человеке и ситуации. В этот раз, однако, Мод не поступила, как обычно. Позже она станет оправдывать себя тем, что оказалась совершенно застигнута врасплох. Возможно, к этому добавилась и определенная доля любопытства по поводу знаменитой соседки. В любом случае, свою первую ошибку Мод совершила именно тогда. Она впустила гостью.

Ясмин, словно шаловливый ветерок, вмиг влетела в открытую дверь. Небрежно уложенные волосы разлетались по сторонам, потому что Ясмин принялась энергично вертеть головой, стараясь рассмотреть обстановку большой квартиры. Полупрозрачная белая туника свободно облегла ее тело. Под туникой была надета лишь коротенькая сорочка, а бюстгалтера, очевидно, не было вовсе. Черные легинсы гостьи были все перепачканы светлой пылью и покрыты маленькими твердыми комочками, по виду похожими на высохший гипс или цемент. Ступни Ясмин были еще грязнее легинсов, если такое вообще возможно. На ней были шлепанцы, а на ногтях красовался облезший голубой лак. Ясмин обернулась, слегка склонив голову, и оценивающим взглядом окинула престарелую даму, которая все еще продолжала стоять в дверях. С еще более лучезарной улыбкой Ясмин вручила хозяйке ярко-красный подарочный пакет из плотной глянцевой бумаги.

– Пожалуйста. Оставшееся шампанское и икра. И то, и другое лучше хранить в холодильнике. Вообще-то, мы ели еще и раков, но их никак не сохранишь. Где у вас кухня? – звонким жизнерадостным голосом проговорила Ясмин.

Блеск в глазах гостьи должен был заставить Мод насторожиться. Но вместо этого Мод совершила вторую ошибку. Она приняла красный пакет.

– Благодарю, но вам не стоило... – пробормотала Мод.

– Знаю. Но я подумала, что и вам нужно знать, что я теперь тоже здесь живу. Что я неравнодушный человек, и мы с вами отлично подружимся, – непринужденно пропела Ясмин, сохраняя, однако, громкость на прежнем уровне.

Прежде чем Мод успела ее остановить, Ясмин ускакала вдаль по просторному холлу и отыскала дверь в кухню.

– Ка-а-ак здесь прекрасно и просторно! Но, кажется, с тех пор как дом был построен, а это как минимум сто лет назад, здесь поменяли только плиту и холодильник!

Ясмин проворковала это с улыбкой, призванной продемонстрировать, что она шутит, но что-то в ее тоне привлекло внимание Мод. Она не совсем уловила что, но совершенно точно могла сказать, что ей это не по нраву.

– У вас и в самом деле просторная квартира. Какая у нее площадь?

– Триста квадратов, – нехотя ответила Мод.

Вообще-то, квартира была на несколько квадратных метров больше, но об этом незваной гостье знать было незачем.

Ясмин кивнула сама себе, словно получив подтверждение тому, что уже заранее знала или предполагала. Она смерила Мод испытующим взглядом, но затем переменялась в лице.

– Ну что ж, теперь мне пора возвращаться к себе и к работе. Прошу вас, заходите посмотреть на мою маленькую студию. Как я и говорила...

Она не закончила фразу, вместо этого вновь поспешно улыбнувшись. Мод поставила красный пакет на мойку и отправилась в холл – провожать незваную гостью. У двери Ясмин снова внезапно обернулась и заключила Мод в объятия. Оказавшись прижатой к Ясмин, под тонкой тканью сорочки Мод своими маленькими плоскими грудями ощутила мягкость чужой груди. Она так растерялась, что не успела увернуться. Теперь Мод ощущала смущение. Никто не обнимал ее уже несколько десятков лет. По правде говоря, Мод уже не могла вспомнить, когда в последний раз кто-то к ней прикасался. Само собой, за исключением массажиста из центра «Сельма Спа». Но это была его профессиональная обязанность, а не проявление нежных чувств.

– Я к вам скоро еще зайду, – пропела Ясмин.

Мод еще не пришла в себя после внезапного объятия, переживая вызванный им спектр эмоций. Она невнятно пробормотала что-то в ответ и утвердительно кивнула. Подумать только, как сильно взволновали ее обнимашки!

Прислушиваясь к стихающим в отдалении шагам Ясмин, Мод не могла объяснить, в чем была причина охватившего ее дурного предчувствия. Было в этом ощущении что-то другое. Тоска по взаимодействию с человеческим существом. По улыбке. Если бы она тогда знала... Но откуда бы? Мод только предстояло узнать о том, что Ясмин принесет ей проблему более острую, чем все, с которыми сталкивалась Мод за свою долгую жизнь.

Шампанское оказалось настоящей люксовой марки. Когда Мод нашла его в каталоге винно-водочного магазина «Систембулагет» в интернете, выяснилось, что бутылка стоит шестьсот пятьдесят крон. Забавно! Иногда под настроение Мод с удовольствием пила настоящее шампанское, но в таких случаях она довольствовалась марками, цена которых была вполтину ниже. Икра в маленькой консервной баночке была настоящая русская, и стоила, очевидно, не меньше шампанского. У Мод были серьезные сомнения, что остальных соседей Ясмин столь же щедро одарила дорогостоящими деликатесами. Единственный вывод, к которому она смогла прийти, – Ясмин пыталась втереться к ней в доверие. Но ради чего? Возможно, ей одиноко и она нуждается в друге? Но Мод была старой женщиной, практически на сорок пять лет старше этой дочки знаменитостей с художественными амбициями. У них не могло быть ничего общего. Что ей нужно от Мод? Может, ей не хватает бабушки?

Проведя разведку в сети, Мод выяснила, что бабка Ясмин по материнской линии все еще была жива. Она казалась дамочкой бодрой и активной. К тому же, на целых два года моложе Мод. Из тех сведений, что Мод почерпнула в интернете, явственно следовало, что оба родителя Ясмин происходили из состоятельных семейств. Когда придет время умереть семидесятишестилетнему отцу Ясмин, его молодая жена, сама Ясмин и ее маленькая сестричка унаследуют его состояние. Вероятно, наследницей первой очереди станет жена, но Ясмин, вне всяких сомнений, также получит причитающуюся ей по закону долю, которая окажется весьма существенной.

«Почему бы не попенять на патриархальность и неравенство сословий, когда сам обладаешь привилегиями, да еще ожидаешь получить в наследство состояние!» – подумала Мод, скорчив недовольную гримасу. Сама Мод большую часть жизни была вынуждена бороться, отвоевывая все самое необходимое. Даже несмотря на то, что после смерти Шарлотты Мод смогла путешествовать, ей приходилось сдавать комнаты трем жильцам, чтобы сводить концы с концами. Ей удалось это провернуть благодаря тому, что площадь квартиры была достаточно велика, а сама Мод, пока еще работала, проводила дома не так уж много времени. Последний арендатор съехал от Мод двадцать пять лет назад, когда она вышла на пенсию. К тому моменту она накопила достаточно средств, чтобы прожить безбедно до конца своих дней. Часть сбережений Мод вложила в покупку долгосрочных облигаций. Дивидендов и пенсии вполне хватало на удовлетворение ее немудреных потребностей. Кроме того, в банке на имя Мод имелся солидный депозит, откуда она при необходимости брала деньги на длительные путешествия. Этих денег ей должно было хватить. А наследников у Мод не было.

Итак, поиски в интернете прояснили, что Ясмин не искала для себя приемную бабушку. Чего же тогда ей было нужно? Мод вновь задумалась над прощальным объятием. Теплое, мягкое... Но в блоге Ясмин нигде не было и намека на то, что та могла быть лесбиянкой. Напротив. Несмотря на показушное мужененавистничество, Ясмин постоянно упоминала «превосходный секс» с молодыми «партнерами на одну ночь». Причем чем моложе, тем лучше. Ни в коем случае не старше тридцати, а лучше всего – в районе двадцати. Если верить записям в ее блоге, мужчин за тридцать Ясмин считала «скучными и несвежими». Она рекомендовала мимолетные, ни к чему не обязывающие связи с молодыми мужчинами. «Для выхода сексуальной энергии», – так определяла это Ясмин.

«И среди женщин ведь бывают свиньи», – думала Мод. Нет, девчонка не нуждалась ни в суррогатных родственниках, ни в сексе. Что же ей было нужно?

С того случая прошла едва ли неделя, как вновь раздалась долгая трель дверного звонка. С точки зрения Мод, это уже была навязчивость. Она со вздохом поднялась со своего уютно насиженного кресла и отправилась в холл. Мод догадывалась, кто мог стоять за

дверью. Взгляд, брошенный в глазок, лишь подтвердил ее предположения. Тем не менее, Мод открыла дверь. И это была ошибка номер три.

«Приве-е-е-тик, Мод! Я испекла булочки, и захотела вас угостить. У вас ведь найдется немного кофе? А то мой закончился».

Мод толком и не сообразила, как это произошло, а Ясмин уже нарисовалась в холле. Оттуда она прогарцевала напрямик в кухню, окутанная шлейфом соблазнительного аромата свежесдобитых ванильных булочек. Мод со вздохом затворила входную дверь.

Когда Мод оказалась на пороге собственной кухни, Ясмин уже наливала воду в кофеварку. На мойке стояла банка с кофе. «Ее Ясмин достала из шкафчика над плитой, – решила Мод. Привычными движениями Ясмин засыпала кофе в фильтр, и тут же застрекотала:

– Мы с вами ведь обе одиночки, и проводим дни дома. Само собой, мое одиночество – это мой выбор, мне ведь нужна тишина и покой, чтобы творить. В этом-то и состоит вся сложность, понимаете? Мне нужны хорошие идеи. Их дальнейшее воплощение – не такая уж большая проблема. Ну разве что формат моих работ великоват. Мои картины – по несколько квадратных метров, но их я могу вешать на стены. Только вот свободных стен уже не осталось. Еще хуже обстоят дела со скульптурами и инсталляциями. В студии стало тесно, она слишком мала. Я выкладываю в интернет фотографии своих работ, веду блог. Вы знаете, что это? Нет? Я покажу вам, когда зайдете в гости. Это замечательная вещь! Несколько своих работ я продала благодаря блогу. Через несколько недель у меня состоится большая выставка. Вернисаж назначен на пятнадцатое октября. Вы ведь придете?

На этом месте Ясмин была вынуждена прерваться, чтобы перевести дух. Она замолчала, уставившись на Мод своими большими глазами, и слегка склонила голову набок. Несмотря на то, что полная трудностей жизнь оставила свой отпечаток на лице Ясмин, ее глаза, на удивление, остались голубыми, и взгляд их казался почти невинным. Мод пришла в замешательство, не зная, что сказать в ответ, поэтому чисто машинально включила образ божьего одуванчика.

– Даже не знаю... так много народу. Я обычно не хожу по таким мероприятиям... – неопределенно промямлила Мод.

– Тогда самое время это исправить! Я за вами зайду, и мы вместе поедем на такси, – заявила Ясмин.

«Я не желаю глядеть на весь этот хлам!» – хотелось крикнуть Мод, но что-то удержало ее. Возможно, то было старое доброе хорошее воспитание. Так что она просто слегка кивнула, что в принципе можно было интерпретировать как угодно.

– Тогда решено! – воскликнула Ясмин.

Она сунула нос в буфет и разыскала там и кофейные чашки, и сахарницу.

– Молоко у вас есть? – спросила она.

Мод устало покачала головой. Прежде чем она успела что-то сказать, Ясмин уже распахнула дверцу холодильника и принялась шарить по полкам.

– Что, вообще нет?

– Нет.

Наконец Мод стала выходить из под гипноза. Потому что это был гипноз – только так можно было объяснить вторжение Ясмин в спокойный и уютный мирок Мод, где она сама распоряжалась собственным временем и задавала себе ритм.

– Нет, – проговорила Мод еще разок, просто потому, что ей было приятно сказать «нет» этой женщине.

Они пили кофе с булочками в маленькой гостиной Мод. В этой комнате Мод чаще всего проводила время. Спальня находилась рядом. С противоположной стороны коридора располагалась ванная комната. По правде говоря, Мод находила полезное применение едва ли для шестидесяти из трехсот квадратных метров, что через некоторое время не преминула отметить Ясмин. Мод ощутила, как гнев подогревает ее изнутри. Никому на всем белом свете не должно быть дела до того, как Мод живет в собственной квартире. В ответ, однако, Мод лишь пробормотала что-то невнятное. Ясмин, похоже, не обратила внимание на весьма сдержанную реакцию Мод, потому что продолжила свою мысль:

– Забавно, но нас с вами объединяют еще и бытовые вопросы. Мне нужно пространство для творчества, поэтому для личных нужд я пользуюсь только двумя маленькими комнатами. Еще, конечно, кухней и ванной. Совсем как вы! Все остальное пространство в моей квартире

отдано под студию. А еще у меня есть застекленная лоджия. Вам стоит спуститься посмотреть! Все та-а-кое новенькое, свеженькое!

Мод снова вошла в образ бестолковой старушки и забормотала что-то, не отрывая рта от булки. Булка, кстати, лежала на кружевной бумажной подложке с логотипом «Кондитерская Дальс». Вот так домашняя выпечка!

Когда Ясмин собралась уходить, уже у самой двери она притормозила. Она обеспокоенно взглянула на Мод и слегка потрепала ее по щеке:

– Вам не слишком тяжело все время карабкаться по этой дли-и-инной лестнице?

Ясмин указала на прямой лестничный маршот главного входа к площадке перед лифтом и квартирой Мод.

– Нет, – ответила Мод и захлопнула дверь.

Ясмин зачастила к Мод... Обычно у нее с собой было что-нибудь вкусненькое к кофе, несколько раз она являлась с бутылкой вина. Мод пыталась уклониться от этих визитов и подарков, но у нее словно не было воли сказать решительное «нет». Пританцовывая на ходу, Ясмин со смехом отметала все протесты Мод. Когда же наконец Ясмин собиралась восвояси, обычно она награждала Мод объятием или дружески трепала по щеке. И все так же не уставала звать Мод к себе в гости.

– Вам обязательно нужно взглянуть на мою квартиру. Она та-а-кая суперская!

Однако Мод всегда отвечала уклончиво. Она так и не поняла, что же было от нее нужно Ясмин. Может быть, та чувствовала себя одиноко и искала общества Мод? Или это была попытка прикинуться доброй самаритянкой, которая протянула руку помощи одинокой престарелой даме? Или... да, что или?

Но однажды в блоге у Ясмин появился новый пост, прочтя который, Мод стала понимать, что к чему. Ясмин писала:

«Я так взволнована! Вполне возможно, в скором времени я смогу переехать в более просторную квартиру. А значит, смогу обустроить и более просторную студию!!!! Вот в чем я действительно нуждаюсь. Говоря «более просторную», я имею ввиду ПРОСТОРНУЮ! Гораздо ПРОСТОРНЕЕ!!!!»

Так вот в чем была причина такого повышенного внимания со стороны Ясмин! Как змея подбиралась к ней... Мод так разозлилась, что ей стало трудно дышать. Ей пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы в голове прояснилось.

Адская тварь охотилась за ее квартирой.

Снаружи разыгралась первая осенняя буря, и желтые листья слёту били прямо в оконные стекла. Начинал моросить дождь, и непогода вскоре обещала превратиться в настоящий шторм. Мод погасила все светильники в комнате, и поудобнее устроилась в кресле. Из углов потянулись щупальца мрака, и вскоре он заполнил все пространство комнаты. Если явится Ясмин, Мод не станет открывать. Ей нужно подумать.

Внезапная трель дверного звонка прорезала тишину. Мод неподвижно сидела в кресле, не делая и малейшей попытки встать. Она знала, что звонок вскоре раздастся снова. А потом – снова. И снова. Нажав на кнопку звонка еще несколько раз, Ясмин сдалась. Ее шаги затихли где-то внизу, у лестницы в подвал и задней двери. Стук захлопнувшейся за Ясмин двери эхом облетел все этажи. Мод отодвинулась подальше от окна, чтобы ее нельзя было заметить снизу, со двора. Так как света в окнах не было, Ясмин должна подумать, что Мод нет дома или та легла спать.

Разумеется, все дело было в том, что будущая художница не могла выкупить квартиру Мод обычным способом. Ясмин, конечно, привыкла решать все проблемы при помощи своих или папочкиных денег, но в данном случае они были бессильны. Мод не владела квартирой, а лишь имела право пользования этой жилплощадью до тех пор, пока сама не пожелает оттуда уехать. А Мод прожила в этих комнатах уже восемьдесят восемь лет, и не собиралась никуда переезжать и впредь. На что же тогда рассчитывала Ясмин? Вероятно, у нее на уме был какого-то рода обмен. Все эти ее вопросы – к примеру, не трудно ли Мод подниматься по лестнице, все эти замечания – о том, что квартира выглядит несовременно и излишне велика... Несколько раз Ясмин упоминала, что студия тесновата для ее монументальных работ, а теперь еще и этот предвкушающий триумф пост у нее в блоге. Все это указывало на то, что догадка Мод верна. Ясмин не успокоится, пока тем или иным способом не добьется обмена квартирами. Избалованная представительница высшего класса

привыкла получать все на блюдечке. Быть может, она решила стать членом правления жилкооператива? Разумеется, в их рядах было полно тех, кто точил зуб на Мод из-за того, что она занимает дорогостоящие квадратные метры, не платя при этом ни эре за аренду. А если бы Ясмин сказала, что ей жаль престарелую даму на пороге деменции, которая уже не может самостоятельно содержать в порядке большую квартиру... и что сама Ясмин готова поменяться местами с Мод, чтобы той не приходилось больше подниматься по лестнице, и она могла бы поселиться в более подходящих условиях... Вероятно, все было бы представлено как акт чистого милосердия по отношению к выжившей из ума старухе. Если такое кто и мог проверить, то это как раз была Ясмин.

Поначалу Мод взвешивала возможность просто-напросто уехать на несколько месяцев. В Мексику, или... Она придержала поток сознания. Нет, она должна остаться, чтобы отстаивать свои интересы. Если Мод не будет дома, у Ясмин появится больше пространства для маневра.

Впервые за всю свою долгую жизнь Мод почувствовала себя слабой и беспомощной. Но уже через пару мгновений ее мозг снова обрел способность функционировать так, как он обычно это и делал в кризисных ситуациях. У Мод возникла идея, которой еще предстояло оформиться. Повертев эту мысль так и эдак, Мод решила.

Настало время навестить Ясмин.

В правую руку Мод взяла свою крепкую трость, а левой подхватила пакет с отходами, зажав под мышкой кипу старых газет. Нагруженная таким образом, она дошла до мусорных баков у ворот. Газеты Мод запихнула в один из больших пластиковых контейнеров, куда складывали бумагу для переработки, а мешок с отходами – в контейнер с маркировкой «сжигаемый мусор». Эту моду сортировать содержимое помойки на «сжигаемый» и «компостируемый» мусор Мод считала полной ерундой.

Покончив с мусором, Мод направилась прямо к двери в квартиру Ясмин. Дверь выглядела удивительно добротно, по периметру дверного полотна бежала широкая стальная лента. Мод разглядела три разные замочные скважины. Когда живешь на цокольном этаже, это может быть вполне оправданно, даже если дверь на улицу всегда закрыта. Мод позвонила. Сигнал оказался не трелью, а настоящим перезвоном, словно от соборного колокола. Несмотря на то, что

толстая дверь гасила звук, Мод отчетливо слышала звонок. Через некоторое время дверь немного приотворилась, и через образовавшуюся щель выглянула Ясмин. Увидев, кто стоит снаружи, она сняла цепочку и распахнула дверь настежь.

– Мод! Как здорово, что вы наконец решили ко мне заглянуть! – радостно выпалила Ясмин, и по тону ее было件нятно, что та действительно рада.

На мгновение уверенность Мод в правоте собственных выводов пошатнулась. Быть может, она ошиблась? И Ясмин вовсе не охотится за ее квартирой, а попросту искренне симпатизирует Мод?

– Сейчас я покажу вам мою чудесную квартиру! Она современная и удобная. Вам то-о-чно понравится! – прострекотала Ясмин.

Все сомнения Мод тут же испарились. Она не ошиблась: Ясмин, как обычно, нахваливала свою квартиру.

Самым робким голоском Мод проговорила:

– Да... Прошу прощения... если я не вовремя. Я выбрасывала мусор и подумала...

– Дорогая моя, проходите же! Я ведь столько раз звала вас прийти и на все посмотреть.

– Только вот я с пустыми руками... поддалась порыву.

– Ничего! Главное, что вы здесь.

Ясмин засемила в глубь прихожей, жестом приглашая Мод следовать за собой. Прежде чем переступить порог, Мод успела окинуть взглядом задний двор и бегло оглядеть окна, выходящие на ворота. Вокруг не было ни души. Тогда Мод быстро шагнула внутрь, и тяжелая входная дверь захлопнулась у нее за спиной.

В довольно просторной прихожей стоял полумрак. Одну стену занимали зеркальные платяные шкафы с раздвижными дверцами. Противоположную стену украшала массивная картина в мрачных тонах. Деталей было не рассмотреть по причине слабого освещения, но кажется, на этот раз Ясмин использовала для декорирования своей работы кусочки газетных статей. Единственным источником света в прихожей был маленький настенный светильник, больше похожий на ком цемент, в центр которого воткнули голую лампочку. Очевидно, один из собственноручных шедевров Ясмин. Весело болтая, Ясмин проводила Мод в кухню. Кухня здесь оказалась какой-то футуристической зарисовкой, вся из стекла и нержавеющей стали.

Окнами кухня выходила в сад. Мод остерегалась подходить к ним близко. Из кухни также можно было попасть на небольшую застекленную лоджию.

– В теплое время года я только и делаю, что сижу здесь и ем. Благодаря тому, что лоджия застеклена, беспокоиться о погоде не приходится. Да и сама кухня про-о-сто суперская! На индукционной варочной панели еда готовится за считанные секунды! – разливалась соловьем Ясмин.

Мод пользовалась плитой, которую установила одновременно с комбинированным холодильником и морозильной камерой. Это было... в 1983-м. Или, может быть, в 1984 году. Оба агрегата работали без нареканий, и Мод совершенно не соблазняла перспектива готовить еду «за считанные секунды». Во-первых, Мод вообще редко занималась кулинарией – она чаще покупала готовые блюда от кейтеринговой компании, которая продавала их порционно в магазинах сети «Гурме». А «готовить еду» для Мод означало разогреть суп из банки. Во-вторых, приспособиться к новой плите, чтобы ничего не пригорало, могло оказаться непросто. Уже несколько раз случалось, что Мод забывала на включенной плите еду. Если бы процесс подогрева шел быстрее, все бы точно сгорело. Так что нет, индукционная панель ее не заинтересовала. Но вслух Мод ничего не сказала. Вместо этого она округлила глаза и протянула:

– Ооо, вот как...

– Да, здесь все очень функциональное! И практичное! И не требует особенного ухода!

Ясмин вела себя, словно заправский риелтор. В некотором роде, она таковым и была.

– Пойдемте, я покажу вам ванную!

Ясмин исчезла в прихожей. Мод не спеша проследовала за ней. Просторная ванная заставила Мод поежиться. Все пространство уборной было отделано черно-белой плиткой, краны же были позолочены. В одном из углов стояла гигантская угловая ванна.

– Смотрите, это ванна с гидромассажем! – с прежним энтузиазмом продолжала Ясмин.

– Ооо, – промычала Мод, всячески пытаясь подчеркнуть, как сильно она впечатлена.

Что кухня, что ванная были ужасны. Но спальня и гостиная оказались еще ужаснее, если такое вообще возможно. Из мебели в спальне была лишь колоссальных размеров круглая кровать, стоявшая в центре комнаты. Она была не прибрана, и Мод разглядела черные простыни из какого-то блестящего материала. Гостиная же была целиком и полностью белой. Единственными предметами мебели там были большой белый диван и овальный журнальный стол, который выглядел так, будто был отлит из чугуна. Ковер был из какого-то белого ворсистого материала. На стенах развешаны некоторые из работ Ясмин. На одной в красочный слой была вмурована куча винных этикеток, на какой-то еще болтались трубки для курения травки. Мод достаточно часто бывала в Индии, чтобы безошибочно определить их предназначение.

– Та-дааам! Студия! Линолеум здесь положен прямо на фантастически красивый дубовый паркет. Стоит лишь снять линолеум, и паркет тут как тут.

Ясмин проводила Мод в просторное помещение. На стенах здесь повсюду были развешаны картины. Эти работы Мод уже видела в блоге Ясмин, также как и различные скульптуры под названием «Фаллос», расставленные на полу. Лишь с одной из них Мод ещё не успела ознакомиться. Эта скульптура была подвешена к потолку.

Ясмин провела для Мод небольшую экскурсию по своим произведениям, постоянно повторяя, как она «стремилась разоблачить угнетательскую суть патриархата». Мод оставалось лишь вовремя выдавать звуковые сигналы вроде «о-о-о-о» или «хम्म», в остальном она хранила молчание.

Наконец экскурсия дошла до последней из работ – той, что висела под потолком.

– Это мой самый свежий проект. Работа почти готова. Скульптура называется «Фаллос, он висит». Поэтому-то я и подвесила ее к потолку. Так она и будет выставляться. Но здесь дело еще и в нехватке свободного пространства на полу.

– Ясно, – пробормотала Мод.

Основой шедевра послужило старинное тележное колесо из дерева. На спицах с помощью прочного стального троса Ясмин закрепила скульптурные изображения пенисов различных размеров и вида. Пенисы были выполнены из разнообразных материалов. Самые

крупные образцы были отлиты в бронзе, некоторые были из глины, какие-то – из бетона. Среди прочих нашлось несколько ярко-красных и ядовито-зеленых образцов из какого-то синтетического материала. Колесо с помощью блока было подвешено на массивный потолочный крюк. Канат, пропущенный через таль, крепился к надежной отопительной трубе. На стене Ясмин разместила щелевой стопор, вроде тех, какими пользуются на парусных судах, чтобы закрепить шкот на парусе. Это была массивная штукавина из черной резины. Слегка дрожащим пальцем Мод указала на стопор.

– Он и правда выдержит? Я имею в виду... если канат отвязать от батареи? – слабым голосом прошелестела она.

– Ну да, черт побери... потому он и называется стопор... я купила его в магазинчике, который торгует корабельными причиндалами. Этому стопору под силу удерживать парус во время шторма. А здесь он нужен, потому что вес скульптуры довольно приличный. А когда мне понадобится прикрепить туда очередной член... прошу прощения, но я привыкла называть вещи своими именами... так вот, в этом случае мне хотелось бы контролировать скорость, с которой колесо будет опускаться, а затем зафиксировать его для продолжения работы на подходящей высоте. А потолочный крюк мне достался от предыдущих хозяев – раньше на нем висела колоссальных размеров хрустальная люстра. Здесь ведь пятиметровые потолки!

Потолки в квартире Мод были такой же высоты. У нее в голове уже начал вырисовываться план. Вытаращив глаза, Мод воскликнула:

– Выглядит крайне неправдоподобно! Я хочу сказать... эти... штуки... те, что из бронзы... должно быть весят целую тонну!

– Само собой. Но стопор справится. Глядите!

Ясмин отступила к батарее, нагнулась и развязала морской узел. Теперь лишь стопор на стене удерживал на весу всю композицию под названием «Фаллос, он висит». Мод ощутила, как сердце забилося чаще, но тут же взяла себя в руки и указала на один из ядовито-зеленых членов.

– Из чего он сделан? – спросила Мод.

– Из обычного пластилина. Из такого лепят детки в садике. Мягкий пластичный материал, который затвердевает уже при низкотемпературном обжиге в печи.

– А этот тогда из чего?

Мод неопределенно указала пальцем куда-то вбок.

– Который? Один из тех, бетонных? Или...

– Не знаю... вон тот, – повторила Мод. Продолжая указывать пальцем куда-то вверх, она незаметно придвигалась поближе к канату. Ясмин тем временем подошла вплотную к своему шедевру, пытаясь разобраться, какой из мужских атрибутов так заинтересовал старуху. Теперь она стояла прямо под колесом, уставившись вверх. Идеально! Мод изо всех сил дернула за канат, который послушно выскользнул из щели стопора.

С оглушительным грохотом «Фаллос, он висит» упал прямо на Ясмин. Она не успела издать и звука.

Потом в комнате установилась неестественная тишина. Мод задержала дыхание, прислушиваясь, не бегут ли уже со всех ног соседи. Но в доме было тихо. Соседи уже привыкли к странным звукам, доносящимся порой из жилища Ясмин. Мод приблизилась к неподвижному телу, распростертому на полу. Из-под тележного колеса вытекла уже приличная лужа крови. Сквозь спицы Мод смогла разглядеть, что один из бронзовых членов раздробил череп Ясмин.

«Патриархат наносит ответный удар», – подумала Мод.

Так быстро, как только могла, Мод ретировалась обратно в прихожую. Во время экскурсии по квартире она тщательно следила за тем, чтобы ничего ненароком не коснуться, поэтому теперь не было нужды тратить время на вытирание возможных отпечатков. Мод приложила ухо к двери, чтобы убедиться, что ни у ворот, ни в саду никого не было. Снаружи не доносилось ни звука, так что время было подходящее. Прежде чем схватиться за дверную ручку и нажать на нее, Мод натянула на правую ладонь рукав своей кофты. Потом осторожно приотворила дверь. Поблизости никого не было. Она быстро выскользнула вон, с щелчком захлопнув за собой дверь.

Поздним вечером внимание Мод привлекла необычная активность вокруг дома. Выглянув в окно, у ворот дома она увидела карету скорой и две полицейских машины с вращающимися синими маячками. Мод стояла, спрятавшись за гардиной. Снаружи никто не разглядел бы ее в темной комнате.

Прошел почти час, когда из дома показались санитары с носилками. Лицо человека на носилках было прикрыто – безошибочный признак того, что лежащий на них был мертв.

Она не ощущала триумфа, лишь спокойствие. Теперь никто не позарится на ее жилье. Мод сможет остаться здесь до конца своих дней. Было и иное ощущение. Прошло некоторое время, прежде чем Мод смогла распознать, что же это такое. Пустота. Быть может, тоска. Возможно ли это? Да, так оно и было.

«С этим я смогу жить», – решила Мод.

Она отступила от окна, скрывшись в темноте.

Фрекен Мод путешествует

Она припозднилась на целых четыре месяца. Обычно Мод уже в январе знала, куда поедет летом, но в этом году она до сих пор не смогла определиться. Очевидно, дело было в ее возрасте. Нет, ее не поразил никакой телесный или душевный недуг. Совсем наоборот. Примерно месяц назад Мод побывала в поликлинике – ее беспокоил небольшой конъюнктивит. Молодой доктор, чей вид не вселял уверенности в том, что он уже сдал выпускные экзамены, заметил, что Мод не обращалась за врачебной помощью уже шестнадцать лет. Да и в тот раз она приходила, чтобы привиться от желтухи новой вакциной длительного действия.

Мод пришлось несколько раз заверить доктора в том, что она отлично себя чувствует. Несмотря на все ее заверения, он все же провел тщательный осмотр и велел медсестре взять у Мод кровь на анализ. Естественно, абсолютно напрасно. У Мод было отменное здоровье, как сама она всегда и утверждала. Несмотря на это, Мод пришлось прийти к молодому доктору еще раз, чтобы он убедился, что прописанная им глазная мазь подействовала и с Мод все в порядке.

Нет, причиной тому, что летнее путешествие Мод еще не было спланировано, оказался тот факт, что она уже успела объездить практически весь земной шар. Она покоряла египетские пирамиды, взбиралась на ступенчатые храмы майя в Андах, качалась, как пробка, на водах Мертвого моря и прогуливалась по Китайской стене. Она успела побывать даже в Гренландии и на Южном полюсе. Все на свете, что стоило посмотреть и испытать, Мод уже посмотрела и испытала.

В последние пятнадцать лет перед выходом на пенсию Мод на летних каникулах исколесила весь мир вдоль и поперек. На пенсии же она и вовсе стала путешествовать круглый год, возвращаясь домой лишь на непродолжительное время. Ей многое нужно было нагнать.

После смерти родителей Мод пришлось в одиночку заботиться о психически больной сестре. Лишь после ее смерти Мод смогла начать путешествовать.

Мод было восемнадцать, и она только что поступила в университет, чтобы получить профессию преподавателя иностранных языков, когда внезапно умер отец. Потом, возвращаясь мыслями в прошлое, Мод поняла, что самое счастливое время в ее жизни выдалось как раз перед папиной смертью. В том числе и потому, что Мод была только что помолвлена. В день восемнадцатилетия Мод была объявлена ее помолвка с лейтенантом Густавом Адельшё. Мод хорошо помнила, как порхала от счастья, словно бабочка. В первую очередь, конечно, потому что собиралась выйти замуж за Густава – Мод искренне считала, что любит его. Но не менее важной причиной была возможность уехать от тревожной матери и душевнобольной сестры.

Сестра Мод, Шарлотта, была старше ее на одиннадцать лет. С годами у нее развились многочисленные фобии и ипохондрия, которые постепенно подчинили себе всю ее жизнь. К Шарлотте еще не сватался ни один мужчина, и родители прекрасно понимали, что этого уже никогда не произойдет. Поэтому они были весьма обрадованы тем, что Мод собирается, как положено, выйти замуж за молодого человека из хорошей семьи.

Через некоторое время после смерти отца Мод Густав прислал ей письмо, в котором в весьма сдержанных выражениях объявлял о разрыве помолвки. Мод ни секунды не сомневалась в том, что за этими ужасными словами стояли его мать и отец. Всем было известно, что род Адельшё принадлежал к истинной аристократии голубых кровей, однако их финансовое благополучие за последние два десятка лет серьезно пошатнулось. Это произошло как раз в тот период, когда отец Густава был главой семейства. Он не умел рачительно распоряжаться ни деньгами, ни имуществом. Сам он, правда, этого не понимал, продолжая вести экстравагантный образ жизни и снисходительно смотреть на других. Единственной причиной, по которой родители Густава согласились на помолвку сына с Мод, была их уверенность в том, что ее отец владеет состоянием. Однако после смерти отца Мод выяснилось, что он был разорен. Для родителей Густава это была веская причина, чтобы как можно скорее разорвать помолвку сына.

Поэтому Мод никогда не испытывала к Густаву ненависти за его бессердечное письмо – она знала, что родители заставили его написать все это. Конечно, получив письмо, она рыдала днями напролет, но не разбитое сердце было главной тому причиной, а огромное

разочарование из-за того, что теперь Мод некуда было податься из дома.

Через неделю войска Гитлера вошли в Польшу, и началась Вторая мировая война.

Мод пришлось столкнуться с проблемами куда более серьезными, чем разорванная помолвка. После скоропостижной кончины отца мать была совершенно раздавлена. Вероятно, в неменьшей степени, чем смерть супруга, мать угнетала мысль о том, что она осталась у разбитого корыта. Она целыми днями лежала в постели, отказываясь вставать. В первый год войны она стала потихоньку чахнуть, и два года спустя тоже скончалась. За год до того Мод окончила учебу, и ей повезло устроиться работать на женские курсы. Мод хваталась за все возможные дополнительные часы, лишь бы только иметь возможность сводить концы с концами. После смерти матери стало немного легче. В немалой степени потому, что Мод целый год после ее кончины ухитрялась отоваривать ее талоны и получать продукты по ее карточке.

Во время войны, да и в последующие годы Мод несколько раз предлагала сестре сдать одну или несколько комнат в их квартире внаем. Каждый раз Шарлотта реагировала одинаково болезненно. Заламывая руки, она бродила по опустевшим комнатам их огромного апартаментов и тихо поскуливала.

– Я не выдержу присутствия чужаков! Никаких чужаков здесь! Иначе я умруууу! – обычно в отчаянии завывала Шарлотта. Иногда эти завывания переходили в форменную истерику и припадок. Потом Шарлотта всегда требовала, чтобы ей дали побольше прописанных врачами таблеток. Мод пыталась сопротивляться этому, но получалось не всегда. Когда сестра спала, в доме были тишина и покой. Это было единственное время, которое Мод могла посвятить самой себе. О каких-то путешествиях она и подумать не смела. Сестра никогда не выходила за порог квартиры.

Все те годы, что Мод обеспечивала их совместный быт, небольшую пенсию Шарлотты она откладывала на специальный банковский счет. Эти деньги впоследствии на первое время стали ее фондом для путешествий. После смерти сестры Мод сдала в аренду три комнаты в апартаментах. Комнату Шарлотты она переделала в столовую для жильцов с собственным кухонным уголком. Ванную комнату жильцам приходилось делить. Доходы от сдачи комнат Мод не тратила – это

было для нее хорошее подспорье к грядущей пенсии. Выйдя же на пенсию, примерно через год Мод прекратила сдавать жилье. К тому времени она скопила достаточно. Теперь она вот уже двадцать пять лет не работала и успела побывать в большинстве стран мира. Так что в этом году у Мод уже не возникло идеи, где можно провести лето.

В Индии чересчур жарко, в Ницце – многолюдно, в Париже слишком загрязненная атмосфера, как и в Нью-Йорке. Может, на Бали? Или на ее любимый средиземноморский остров – Сардинию? Но во всех этих местах Мод уже побывала по нескольку раз. Осталось ли хоть какое-то место, о котором Мод еще не думала? Ей ничего не приходило в голову. «Кажется, я становлюсь капризной», – со вздохом подумала Мод.

Она была опытной путешественницей, и обычно ездила налегке. Чувство, которое она испытывала, покидая дом с одним лишь авиабилетом с открытой датой возвращения в руках, было непередаваемо. Обычно Мод следовала заранее составленному плану путешествия, но крайне редко заранее бронировала жилье и транспорт для перемещения между теми местами, которые хотела посетить. Если ей где-то нравилось, она могла оставаться там сколь угодно долго. В основном такой стиль путешествия не предполагал наличия компании. Но это совершенно не волновало Мод, ибо именно того она и желала. Никакого нытья, никаких проблем. Она все решала сама.

Мод включила кофемолку и отправилась в холл, забрать свежий номер газеты «Гётеборгс Пост». Она всегда читала за завтраком эту газету – в основном в силу многолетней привычки. Покончив с газетой, Мод обыкновенно открывала свой маленький ноутбук, чтобы полазать в интернете. В сети она могла быстро получить свежую информацию о том, что происходит в мире. В последнее время в интернете она еще и занималась поиском дешевых авиабилетов. Ноутбук оказался необходимой вещью. Восемь лет назад Мод не вернула его организаторам курсов по цифровой грамотности для пенсионеров. Там она представилась именем Шарлотты. Окончив курс, пенсионеры должны были вернуть все переносные компьютеры, однако Мод просто не отвечала на звонки и сообщения. Лишь когда организаторы сообщили ей о своем намерении обратиться в полицию, Мод отправила им короткое письмо:

Уважаемые организаторы образовательных курсов!

С прискорбием вынуждена сообщить вам о скоропостижной кончине моей сестры Шарлотты. Несчастье произошло три недели назад. Среди вещей покойной я не обнаружила никакого компьютера.

*С наилучшими пожеланиями,
Мод Адельшё.*

Благородную фамилию бывшего жениха Мод использовала, чтобы внушить к себе больше уважения. Очевидно, эта уловка подействовала, так как в дальнейшем Мод более не получала требований вернуть компьютер законным владельцам.

Подрумянив пару кусков хлеба, Мод по своему обыкновению намазала их тонким слоем апельсинового конфитюра, положив сверху ломтики хорошо выдержанного сыра «Греве»^[1]. На плите как раз сварилось яйцо – ровно три минуты. Так выглядели завтраки Мод вот уже сорок лет. До того каждое утро ей доставалась каша или молочный кисель, потому что Шарлотта соглашалась есть только эти блюда.

Добавив в свой крепкий кофе немного теплого молока, Мод составила все на поднос и отправилась в ТВ-гостиную. Со вздохом облегчения Мод опустилась в просторное отцовское кресло. Без спешки, методично принялась изучать газету, от первой до последней страницы, как и всегда. Мод позволяла себе пропустить только спортивные материалы.

Когда Мод дочитала до колонки объявлений, ее внимание неожиданно привлек заголовок:

«Для любви никогда не поздно», – считает Густав, 90, замуж за которого согласилась выйти Заза, 55».

Когда Мод увидела фото улыбающейся пары, поначалу у нее в голове ничего не щелкнуло. Она просто отказывалась осознать то, что только что прочитала. Это не могло быть правдой! Мужчиной на фото был ее Густав. А кем была женщина, Мод тоже знала, и даже слишком хорошо. Чтобы успокоиться и умерить скачущий пульс, Мод пришлось несколько раз глубоко вдохнуть. Затем она принялась за чтение заметки, из которой следовало, что прошлой осенью овдовевший пять лет назад Густав Адельшё во время круиза по Средиземному морю

познакомился с актрисой Зазой Хенрикс. Они обручились в канун Нового года, и теперь, перед Троицей, им предстояло пожениться. Статья заканчивалась так:

«После свадебной церемонии счастливые молодожены планируют поселиться в родовой усадьбе супруга – Экенэсе, которая расположена в предместье Сунне в Вермланде. Торжество состоится в комплексе «Сельма Спа». Известный отель берет на себя все хлопоты о предстоящем празднестве, так что молодые смогут всецело насладиться этим днем в компании родных и друзей».

Дочитав до точки, Мод почувствовала, что по-настоящему зла. Все это нехорошо, очень нехорошо! Ей явно было известно больше, чем автору газетной заметки. И уж точно больше, чем бедняге Густаву.

Все эти годы Мод незаметно следила за жизнью Густава.

Он женился на состоятельной девушке из Вермланда. Так что Экенэс был ее родовой усадьбой, а не его. У них родились двое детей, но, к несчастью, мальчик в возрасте десяти лет скончался от лейкемии. Дочь выучилась на стоматолога и вышла замуж за своего коллегу. Мод было известно, что у тех родилось трое детей, все они уже выросли и выпорхнули из гнезда. Мод также знала, что дочь Густава вместе с мужем совместно владели врачебной практикой в Торсбю. Жили они все в усадьбе Экенэс. Густав со своей ныне покойной женой уехали оттуда десять лет назад, когда она заболела, однако теперь, очевидно, они с будущей женой планировали туда снова въехать.

Мод, хорошо зная его нареченную, была уверена, кто настоял на переезде.

В то время, когда Мод была ее классной руководительницей, Зазу Хенрикс звали Сив Ханссон. Уже тогда Мод считала ее конченной распутницей. Сив часто прогуливала занятия, не уделяла внимания урокам и не слишком обращала внимание на нотации по этому поводу. Она с компанией тайком выбегала покурить на перемене. Единственными интересами Сив были косметика, шмотки и мальчишки. Отметки она имела соответствующие, но юную даму это не беспокоило. Когда обеспокоенный специалист по профориентации задал ей вопрос о ее планах на будущее, пятнадцатилетняя Сив без тени сомнения заявила, что собирается стать актрисой.

На несколько лет Мод потеряла Сив из виду, но однажды совершенно неожиданно обнаружила ее фото в утренней газете. На фотографии большого формата Сив позировала абсолютно голой. Подпись под фото гласила, что Сив, к тому моменту уже сменившая имя на Зазу Хенрикс, снялась в шведском порнофильме, премьера которого вскоре должна была состояться. Фильм провалился в прокате. После этого Мод стала следить за жизнью Сив – так она поступала в отношении *определенных людей*, за которыми, по различным причинам, считала необходимым приглядывать на расстоянии. Маленький компьютер оказался очень полезен в том, что касалось отслеживания изменений в жизни людей. Так Мод узнала о том, что кинокарьера Сив завершилась сама собой после первого же фильма. В последующие годы Сив получала роли второго плана в различных порнолентах, но карьеру так и не сделала. Иногда ее имя всплывало в прессе, чаще всего при скандальных обстоятельствах. Однажды она побывала замужем за режиссером средней руки, но развод последовал уже через год. За прошедшее время у Сив было множество отношений, но детей она так и не родила.

С книжной полки Мод сняла папку с наклейкой «Ученики» и пролистала до буквы «Х». Аккуратно вставленные в пластиковые файлы, там хранились все статьи из газет и сетевых изданий, которые Мод за долгие годы собрала о Сив Ханссон, известной также под именем Заза Хенрикс. Мод наскоро пробежала их глазами.

После этого она решительно взяла в руки мобильник. Настало время забронировать первое путешествие грядущего лета. По правде говоря, за всю свою долгую жизнь Мод так ни разу и не побывала в спа.

Так как Пасха в этом году была поздней, то поздней была и Троица. В солнечный и довольно теплый день в начале июня Мод прибыла в городок Сунне. За ней и двумя другими гостями отеля на железнодорожную станцию прислали такси. Спутниками Мод оказалась пара лет шестидесяти, вне всяких сомнений, давно и прочно женатая. За все короткое время поездки в отель они не обменялись друг с другом ни единым словом. Багаж Мод состоял из дорожной сумки и увесистой трости с резиновым наконечником. Трость кто-то прислонил к стене в поликлинике и забыл там, а Мод, возвращаясь с консультации по поводу конъюнктивита, прихватила ее с собой.

«Никогда не знаешь заранее, когда может пригодиться такая вещь», – подумала Мод.

Дома у нее уже стояли ходунки, которые кто-то из родственников умершего соседа позабыл у ворот дома. За годы эти ходунки тоже успели хорошо послужить Мод. Однако на этот раз она решила ограничиться тростью.

Сам отель был расположен довольно высоко на склоне холма, откуда открывался прекрасный вид на озеро Фрикен. Здание было узкое, с высоким фасадом. Такое архитектурное решение, вероятно, оправдывалось тем, что из всех номеров открывался вид на озеро.

Изнутри здание на вкус Мод, оказалось чересчур современным, но она не могла не согласиться, что номер ей достался чистый и уютный. Еще на этапе бронирования она предусмотрительно выделила себе время на процедуры по уходу за лицом, массаж, маникюр, педикюр и расслабляющую ванну. Никогда в жизни Мод не позволяла себе подобных вещей, так что сейчас они были как нельзя кстати.

Всю вторую половину дня в четверг Мод посвятила спа-процедурам, плавала в теплом бассейне и потела в сауне. Свой старый купальник она забыла дома, поэтому купила новый на стойке ресепшен. Посетив занятие по аквааэробике, Мод поняла, что это не для нее: в просторном бассейне становилось слишком тесно. Люди скакали вокруг, как ненормальные, плескались, подстегиваемые бойкими командами подтянутого тренера в тесном трико, стоявшего на краю бассейна.

Так как Мод оплатила полный пансион, она позволила себе сполна насладиться вкусной едой. Ночью она глубоко и без сновидений спала в удобной постели. В первой половине дня в пятницу у Мод были назначены последние процедуры – маникюр и педикюр. Когда она покинула благоухающий кабинет, ногти на пальцах ее рук и ног сверкали жемчужно-розовым лаком. «Во имя Господа, почему же я никогда не делала этого раньше?» – с сожалением подумала Мод.

Надев новенькую белую блузку и темно-синюю прямую юбку Мод, слегка опираясь на свою трость, отправилась в ресторан. Несмотря на то, что она знала, чего ожидать, у Мод все равно перехватило дыхание, и ей пришлось замедлить шаг. За одним из столиков сидела Сив Ханссон, теперь известная, как Заза Хенрикс, и обедала в компании другой женщины и мужчины значительно старше себя.

У Мод подкосились ноги. Немного сутулый плешивый мужчина был ее Густавом. Он был красиво одет – в светлые брюки и голубой клубный блейзер. Когда Густав поднял бокал с белым вином, чтобы чокнуться со своими дамами, Мод заметила, что его исхудавшая рука немного дрожит. «Мы действительно состарились – и я, и ты», – с нежностью подумала Мод. Но нельзя было и дальше стоять посреди зала, предаваясь сантиментам. Мод предстояло выполнить важную миссию. Нужно было сфокусировать все внимание на ней.

Мод подошла к столу, ломившемуся от яств, и положила себе на тарелку еды. Аккуратно держа полную тарелку в левой руке, правой Мод опиралась на трость, мысленно напоминая себе прихрамывать.

За столиком неподалеку от Густава и его дамочек обнаружилось свободное место. У сидевших за столом людей Мод вежливо попросила разрешения занять его, против чего они не возражали. Из беседы соседей Мод сделала вывод, что за едой они хотят немного перевести дух, прежде чем в два часа пойти на занятия зумбой.

Мод выбрала место идеально. Отсюда можно было беспрепятственно наблюдать за Зазой и ее подружкой. Они были настолько похожи, что Мод начала подозревать, что они родственницы. У обеих были обесцвеченные волосы средней длины. У обеих был плотный макияж, хоть со времен юности Сив стиль его сильно видоизменился. На тонком летнем платье Сив красовался глубокий вырез, открывающий взорам щель между ее пышных округлых грудей. Была ли к ней столь щедра природа? Вряд ли. Скорее здесь поработал искусный пластический хирург. Рука хирурга была видна и на лице Зазы, черты которого выглядели гораздо более четкими и яркими, чем у предполагаемой сестры. Черты лица той казались слегка расплывшимися, будто на экране с низким разрешением. Очевидно, подружка была старше Зазы и средствами на оплату услуг пластического хирурга не располагала, решила Мод.

Было ясно, что трое за соседним столиком уже употребили по несколько бокалов вина. Они громко смеялись и чокались. Через какое-то время Густав начал клевать носом, и обе сопровождавшие его женщины поднялись на ноги. Они помогли ему встать и, подхватив под руки, повели к выходу из зала. Мод сделала вид, что они совершенно ее не интересуют, но когда они проходили мимо, сердце ее

забилось чаще. Никто из всей троицы не обратил на нее ни малейшего внимания.

Мод еще какое-то время посидела за столом и попробовала десерт. Затем она отправилась в лобби-бар, чтобы выпить кофе. Но прежде чем сесть за столик, Мод подошла к стойке ресепшен. Так как девушка – администратор была занята регистрацией большой группы гостей, прибывших на туристическом автобусе из Норвегии, Мод незаметно стащила номер «Экспрессен», лежавший на стойке. Отчасти она сделала это потому, что хотела пробежать глазами последние новости, отчасти газета была ей необходима, чтобы прятать за ней лицо.

Мод не пришлось ждать долго – вскоре на выходе из лифта показались подружки. Обе были одеты в белые купальные халаты, а в руках несли большие полотенца. В своих махровых тапках они прошлепали к бару, громко смеясь над какой-то шуткой. Заза завладела вниманием молодого парнишки за стойкой, заказав два больших бокала крепкого пива. Мод тихонько поднялась из своего кресла как раз в тот момент, когда женщины стали спускаться по лестнице, ведущей в бассейн. На лифте она поднялась к себе в номер и быстро переоделась. Выходя из номера, она прихватила свою трость, которая стояла возле двери. Одетая в купальник, халат и махровые тапки, Мод на лифте спустилась к бассейну. Там она уже совершенно не выделялась среди прочих гостей.

Заза с женщиной, которая, вероятно, приходилась ей сестрой, сидели в раздевалке и пили свое пиво. Слушая их разговор, Мод поняла, что обе они разочарованы тем, что свободных мест ни в одном из джакузи рядом с главным бассейном не было. Очевидно, они планировали наслаждаться пивом, сидя в джакузи. Мод обратила внимание, что свою компаньонку Заза называет Кики. Не глядя на них, Мод сбросила тапки и повесила халат в шкафчик. Она приняла душ и натянула новый купальник, а затем медленно поплелась к двери, ведущей в бассейн. Она крепко держалась за трость, все время напоминая себе о необходимости прихрамывать.

Выйдя из душевой, Мод прислонила трость к стене и окунулась в приятно-теплую воду бассейна.

Мод успела несколько раз потихоньку проплыть туда-сюда в пустом бассейне, когда из раздевалки наконец показались Заза и Кики. Они с фырканием и визгом плюхнулись в воду и начали плескаться,

словно маленькие девочки. Назвать это плаванием можно было лишь с большой натяжкой. В основном они стояли у кромки бассейна и трепались. Проплывая мимо, Мод успела выхватить несколько фраз из общего потока:

– Завтра приезжает его гребаная дочурка... на семь лет старше меня... – проговорила Заза с многозначительной усмешкой. Кики так громко захохотала, что Зазе пришлось ее перекрикивать:

– Только представь, в какой она будет ярости! – смогла разобрать Мод среди взрывов хохота.

Услышав достаточно, Мод выбралась из воды. Она была так взволнована, что чуть не забыла у бассейна свою трость. Мод долго стояла под душем, но услышав приближающиеся пронзительные голоса Зазы и Кики, быстро юркнула в сауну. Там было просторно, сауна могла бы вместить двадцать человек сразу. Мод прошла в дальний угол и расстелила свое полотенце на нижней лавке. Трость была у нее при себе. Мод присела и попыталась расслабиться. Через пару минут в сауну вошли Заза и Кики. Никто из них не обратил внимания на присутствие высохшей старушки в дальнем конце сауны. Заза фыркнула:

– Я позабочусь о том, чтобы он заснул сразу после ужина. Долго ему не выдержать... ну, ты понимаешь.

Она подмигнула Кики, и сауна тут же взорвалась от хохота.

– Топчик! Тогда мы с тобой сходим в бар. А потом – в клуб! – подхватила Кики.

«Бедняга Густав, все именно так, как я и подозревала», – подумала Мод, продолжая неподвижно лежать на своем месте.

– Пойду-ка я организую нам еще по пиву, – сказала Заза.

– Звучит как план! – воскликнула Кики.

Слегка покачиваясь, они поднялись на ноги. На мгновение Мод испугалась, что они обе собираются пойти в бар, но потом с облегчением увидела, что Кики просто решила расправить свое полотенце, чтобы перевернуться на спину. Со вздохом блаженства та вытянулась на своей лавке во весь рост. Когда за спиной Зазы захлопнулась дверь, Кики уже тихонько похрапывала. Мод осторожно проскользнула мимо нее и выбралась наружу.

Так как в ресторане все еще шел обед, раздевалка была пустой. Практически у входа в сауну была устроена небольшая купель с

ледяной водой – не больше двух метров в диаметре. Мод пощупала воду пальцами ноги и, вздрогнув, для себя решила никогда туда не залезать. Однако купель могла прекрасно вписаться в ее план. Про себя Мод бегло повторила сценарий. Это мог быть ее шанс! Теперь оставалось лишь подготовиться и ждать подходящего момента.

Мод зашла в ближайшую душевую кабинку, которая находилась на расстоянии вытянутой руки от купели, и стала тщательно намыливаться. Трость она прислонила к стене, чтобы та была в пределах досягаемости.

Примерно через минуту Мод услышала, как открывается дверь в раздевалку. На несколько волнительных секунд Мод подумала было, что вошел кто-то другой, но, осторожно выглянув из душевой, убедилась, что явилась ее ничего не подозревающая будущая жертва. В каждой руке она держала по большому пластиковому стакану пива. Заза была целиком и полностью сконцентрирована на том, чтобы не поскользнуться, и не заметила голову Мод, поспешно скрывающуюся за душевой перегородкой.

Мод двумя руками крепко ухватила трость. Разглядев сквозь перегородку из стеклянных кирпичиков искаженный контур своей будущей жертвы, она встала наизготовку. Зазе оставалось преодолеть всего несколько шагов до двери в сауну, когда Мод незаметно выскользнула из своей кабинки, оказавшись позади нее. Прежде чем Заза успела повернуть голову, старуха изо всех сил толкнула ее концом трости. Заза, раскинув руки, полетела прямо на невысокую кромку купели. Так как в обеих руках она несла стаканы, то сгруппироваться не успела. С отвратительным хрустом голова Зазы ударилась о купель. Она осталась лежать на краю, свесив ногу и руку в ледяную воду. Мод поспешно столкнула безжизненное тело в купель, убедившись, что лицо жертвы полностью погружено в воду. Концом своей трости надавив Зазе между лопаток, Мод несколько минут удерживала её тело под водой. Лишь после этого Мод закричала.

– Помогите! Помогите-и-и-те! Она упала! На по-о-мощь!

Крик Мод эхом отдавался от покрытых кафелем стен. Практически сразу она услышала какие-то звуки со стороны сауны. Когда из-за двери сауны показалась заспанная Кики, ее взору предстала голая старуха, которая, склонившись над ледяной купелью, тыкала туда своей тростью, вереща:

– Хватайся! Держи... трость!

Кики, шатаясь, подошла ближе к круглой купели, и вот уже обе женщины громко звали на помощь.

Все сложилось ровно так, как планировала Мод. Услышав крики женщин, персонал ринулся в раздевалку. Среди общей неразберихи одна юная сотрудница отеля сжалась над растерянной старушкой, которая стояла, шумно всхлипывая, у края купели, неловко завернувшись в банное полотенце. Девушка проводила ее к шкафчику и проследила за тем, чтобы старушка надела халат и махровые тапки. Мод поблагодарила услужливую девушку, и та, утешительно потрепав старушку по щеке, скрылась в раздевалке. Тогда Мод снова подхватила свою тросточку и вернулась на место трагедии. Там все пребывали в уверенности, что произошедшее стало трагической случайностью. Несчастливая Заза Хенрикс поскользнулась на мокром полу и упала прямо в ледяную купель. Упала Заза неудачно, ударившись головой о кромку купели, которая раскроила ей череп. Два санитара, явившиеся, чтобы забрать тело, между делом обсуждали, что от погибшей несло алкоголем. На поверхности воды, которую кровь Зазы окрасила в розовый цвет, как зримое свидетельство их правоты покачивались два пластиковых стакана.

Человек, представившийся начальником службы безопасности отеля, подошел к Мод и спросил, как произошло несчастье. Она ответила, что мылась в душе и не видела момент падения.

– У меня неважно со слухом, да еще и в глаза попало мыло. И вода шумела, так что я ничего не слышала. Но видимо, что-то я все же почувствовала... потому что внезапно обратила внимание, что в воде кто-то лежит. Я... любезный мой... я сейчас снова начну плакать... бедняжка... она лежала в воде. Я не смогла ей помочь... она не хотела хвататься за трость... так много крови... бедняжка, бедняжка... – всхлипывая, бессвязно бормотала Мод.

Начальник службы безопасности немного неуклюже похлопал Мод по плечу и удалился.

Дочь Густава забрала отца из отеля спустя несколько часов после смерти его нареченной. Густав выглядел растерянным, и взгляд у него был пустой. Мод подозревала, что теперь он вряд ли осуществит намерение вернуться в Экенэс. Вероятно, по этой самой причине дочь выглядела не слишком опечаленной.

Мод осталась в отеле еще на два дня. Несмотря на то, что она впервые посетила спа лишь на склоне лет, Мод точно знала, что этот раз не станет последним. Она вкусно ела и пила. Днем она совершала долгие прогулки по беговым дорожкам, проложенным в лесу, за территорией отеля. По утрам и вечерам Мод плавала в теплом бассейне, а перед сном, окунувшись в купель, еще и парилась в сауне. Зае не было места в ее мыслях. Еще до того, как настало время возвращаться домой, Мод наконец определилась с летним путешествием. В интернете она отыскала горящий тур на свой любимый остров Сардиния. В стоимость тура входила неделя проживания в дешевом отеле, однако для Мод были важны только авиабилеты. На острове было множество небольших уютных пансионатов, уже знакомых Мод. К тому же, прямо у моря – в Порто Торрес – построили шикарный спа-отель. Если Мод захочется, она сможет провести там несколько дней. А может быть, решит остаться там до конца сентября. Или даже дольше.

«Поживем – увидим», – сказала себе Мод.

Фрекен Мод в поисках рождественского умиротворения

Ранним утром в сочельник на кладбище царили тишина и покой. Мод, прокладывая себе путь по засыпанной снегом дорожке, громко и протяжно вздохнула. Она могла себе это позволить – ведь сейчас Мод пребывала в полном одиночестве. В такое время поблизости не встретишь ни единой живой души, а остальных она не потревожила. Резиновые колеса ходунков упрямо поворачивались перпендикулярно движению, когда Мод толкала их вперед по снежной целине. С некоторым трудом добравшись до могилы, она отставила ходунки в сторону. В проволочной корзине, приделанной к ходункам, стояла сумка, из которой Мод достала свечи в специальных подсвечниках, и еще спички. Двух свечей на семейном погосте будет вполне достаточно – одна для родителей, другая – для сестры. Кладбищенские свечи стоят дорого.

Старшую сестру Мод звали Шарлоттой. Сама Мод была, что называется, поздним ребенком, залетным, как теперь говорят. К удивлению родителей и большому неудовольствию сестры, Мод появилась на свет через одиннадцать лет после Шарлотты. Шарлотте прекрасно подходила роль единственного ребенка. О младшей сестренке она уж точно не мечтала.

Мод внезапно вспомнились шикарные приемы, которые устраивали родители. В особенности хорошо Мод помнила пышные празднества, которые традиционно устраивались в канун Нового года. Она помнила вкусную еду, горящие в высоких канделябрах свечи, хлопки откупориваемых в полночь бутылок шампанского, гул веселых голосов, запахи сигар и дорогих духов. Помнила Мод и изысканные туалеты дам.

Все это внезапно прекратилось, когда прямо во время собрания ложи Странной Братии* с милым папой приключился инфаркт. Расхохотавшись над чьей-то шуткой, он вдруг упал замертво.

После его смерти мать по разным причинам воздерживалась от смеха. Она была пятнадцатью годами младше отца, и, казалось бы,

должна была бороться и жить дальше. Но силы, покинувшие ее, были словно похоронены вместе с отцом. Через два года не стало и матери. Возможно, ее сломил стыд за их экономическое и социальное падение – так привыкла думать Мод. Когда семью постиг этот удар, самой Мод едва исполнилось восемнадцать, и она только что начала учебу в университете. Мод собиралась выучиться на преподавателя английского и французского языков.

Примерно за год до этих событий у Шарлотты подтвердился «нервный недуг», как называла это мать. Еще мать говорила, что «у Шарлотты чуткая душа художника». Сестре было тридцать, и к началу войны она все еще была не замужем. Фобии и ипохондрия постепенно завладевали ею. Шарлотта была профессиональной пианисткой, но никогда не выступала перед публикой. И приглашать на дом учеников она тоже была не в состоянии.

Небольшой капитал, который оставался у них после продажи дома, во время войны незаметно растаял. Им с Шарлоттой повезло, что после смерти матери они смогли остаться у себя в апартаментах, и продолжали там жить бесплатно. Однако за электричество, воду и отопление платить было необходимо. Мод не могла забыть, как в долгие лютые военные зимы вымерзала вся квартира. Слой инея, который нарастал с внутренней стороны окон, был таким толстым, что сквозь него ничего нельзя было разглядеть. Они ютились в кухне и расположенной рядом спальне, наглухо законопачивая все двери, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Остальные помещения в квартире не отапливались.

Во время войны Мод смогла устроиться преподавателем на Высшие женские курсы. Там она с самого начала почувствовала, что работа ей подходит. Однако это не решало финансовых проблем Мод – ведь ей приходилось заботиться еще и о Шарлотте.

Трепетный огонек кладбищенской свечи освещал потускневший от времени текст, выбитый на высокой – в человеческий рост – могильной плите. Шарлотта умерла тридцать семь лет назад. Лишь после ее смерти Мод смогла зажечь своей собственной жизнью. «Лучше поздно, чем никогда», – говорила себе Мод.

Поток воспоминаний Мод был прерван ощущением холода в ногах. У Мод были крепкие башмаки, но подкладка уже начала изнашиваться. Возможно, пришло время купить новые?

С тяжким вздохом Мод принялась выталкивать ходунки на нерасчищенную дорожку. За ночь навалило целую кучу снега. Мод прислушалась. Вдалеке ей почудилось гудение мотора, больше всего напоминавшее трактор. Резкий скребущий звук подтвердил догадку Мод – приближалась снегоуборочная машина. Мод удовлетворенно отметила, что слух ее до сих пор оставался острым. Ровесники Мод в большинстве своем к этому возрасту практически оглохли. Но только не Мод. Хотя, быть может, не так уж это и хорошо. Будь Мод глухой – смогла бы избежать Проблемы.

Мод решительно отогнала мысли о Проблеме и принялась пробираться к кладбищенской ограде. Добравшись до автобусной остановки, расположенной у самых ворот кладбища, Мод еле переводила дух. Ей даже пришлось немного посидеть на обтянутой непромокаемой тканью перекладине ходунков. «Отличная вещьца, однако», – подумала Мод. Не то чтобы ходунки ей в самом деле были необходимы – просто после смерти инженера Олссона они оказались никому не нужны. Никто из его детей их не забрал – очевидно, они вовсе не подозревали, что оставленные у входной двери ходунки могли принадлежать их отцу. Когда имущество умершего было вывезено, а квартира продана, ходунки так и остались стоять на своем месте. И Мод попросту забрала их к себе домой. А прошлой осенью, споткнувшись о ковер, Мод вывихнула колено. И тогда ей нехотя пришлось воспользоваться ходунками – чтобы выходить из дому по своим делам. В то время на улице была жуткая гололедица, и в планы Мод совершенно не входило еще одно падение. Мод быстро сообразила, сколько преимуществ открывало перед ней использование ходунков: на них было удобно опираться, на них можно было присесть и передохнуть, в автобусах ей внезапно стали уступать место, в магазинах люди придерживали для нее двери, а продавщицы средних лет вдруг становились с нею любезны... да они практически сюсюкали! Так что ходунки оказались классной вещью.

Когда Мод оказалась в автобусе, мысли ее вновь вернулись к сестре. Шарлотта, словно неприкаянный дух, блуждала по пустым темным комнатам, отказываясь выходить на улицу. В шестидесятое психическое состояние Шарлотты неуклонно ухудшалось. Не было никакого смысла даже пытаться заводить разговор о возможном отъезде Мод, даже на один день. Сестра впала бы в еще большее

безумие, чем то, в котором уже пребывала. Малышка Шарлотта ведь не могла сама о себе позаботиться! Кто станет готовить для нее еду и следить за тем, чтобы она принимала свои лекарства? Кто будет рядом с Шарлоттой, когда отчаяние в очередной раз вонзит в нее свои острые когти?

Хуже всего то, что все это было правдой. Когда болезнь Шарлотты стала прогрессировать, со временем ей стали необходимы все более сильные препараты. Бóльшую часть суток она теперь проводила в полубессознательном состоянии. Очевидно, лучше было бы поместить Шарлотту в специальное учреждение. Когда лечащий врач предлагал ей какую-либо форму ухода и попечения, та всегда быстро приходила в себя и строго выговаривала:

– Моя сестра никогда этого не позволит! Мы с ней всегда жили вместе! Она обо мне сама позаботится!

Шарлотта целиком и полностью зависела от сестры, на которую был возложен каждодневный уход и забота о пропитании для них обеих. Казалось, что свои собственные мечты Мод уже никогда не осуществит.

Пока однажды вечером, стоя на кухне, Мод не почувствовала, как из холла потянуло сквозняком. Выбежав в коридор, Мод увидела, что входная дверь открыта нараспашку. Шарлотта, будучи не в себе, ухитрилась отпереть ее и выскользнула в тамбур, погруженный во мрак. В слабом свете, исходящем из лифтового окошка, Мод скорее угадывала, чем различала фигуру Шарлотты. Перед лифтом была широкая площадка. От нее к уличной двери вела длинная мраморная лестница. Худая фигура на глазах у Мод беспокойно заметалась по площадке возле лифта.

– Есть кто? – ее слабый голос эхом раскатился по этажам.

Постепенно Шарлотта подбиралась все ближе к краю площадки. Мраморная лестница утопала во тьме. Мод казалось, что сестру неумолимо затягивает в черный провал. Эта высокая крутая лестница... Оцепенение спало, и Мод бросилась к распахнутой двери. Шарлотта стояла, балансируя на самом краю верхней ступеньки. Мод закричала – или она этого не сделала? Само собой, она попыталась удержать сестру... Мод отчетливо помнит, как скользнула кончиками пальцев по мягкой клетчатой ткани ее халата. Но Шарлотта... сорвалась и исчезла в этой крошечной тьме.

Три недели спустя Шарлотта скончалась в больнице от вызванных серьезным сотрясением мозга осложнений. Мод просидела все это время у ее постели. Сестра так ни разу и не пришла в сознание.

Все долгие годы, что Мод обеспечивала их совместный быт, пенсию сестры по инвалидности она целиком откладывала на специальный счет. Со временем там накопилась кругленькая сумма. На следующий после похорон день Мод спланировала свое первое путешествие. Прямо в день окончания весеннего семестра она уехала. На автобусах и поездах в то лето Мод объехала Данию, Германию и Францию. В оставшиеся до пенсии пятнадцать лет Мод проводила каждые летние каникулы тем же образом – колеся по всему свету. Выйдя на пенсию, она продолжила любимое занятие.

Сетевой магазин «Гурме» даже в сочельник открылся уже в девять часов утра. Выходя из автобуса, Мод заприметила, что заведующий как раз собирался открывать дверь. По снежному месиву она принялась прокладывать себе путь к входу. Заведующий уже вошел и теперь приветливо махал рукой.

– Счастливого Рождества! Вы уже на ногах? – весело воскликнул он.

Мод вежливо улыбнулась. Из всех живых людей с заведующим местного магазинчика Мод в последнее время разговаривала чаще всего.

– Неплохо было бы успеть до того, как в магазины хлынет толпа озабоченных граждан, – отозвалась она.

– Умно, очень умно, – рассмеялся заведующий, выкладывая аккуратной пирамидкой упаковки с изюмом.

Магазинчик был на этом месте, сколько Мод себя помнила. Вначале здесь торговали молоком и сыром, потом его перепрофилировали под торговлю товарами первой необходимости. Теперь же этот магазин шаговой доступности специализировался на продаже деликатесов. Здесь можно было приобрести порционные обеды, которые нужно только разогреть в духовке или микроволновке. Их готовили на кухне одного ресторанчика в нескольких километрах отсюда. Продавали и другие вкусности – деликатесные сыры, экзотические фрукты, салаты, свежий хлеб, который прямо здесь и пекли, и прочие необходимые для жизни товары.

В прикрепленную к ходункам проволочную корзину Мод уложила два небольших пластиковых контейнера с маринованной селедкой и контейнер побольше с селедочным салатом. К этим продуктам вскоре присоединились голубой фарфоровый горшочек с сыром стилтон, кусок выдержанного сыра горгонзола, кусок зрелого бри, коробка крекеров с солью, еще теплый солодовый хлеб, гроздь винограда, свежие финики, инжирный мармелад, две бутылки рождественского сидра, небольшой пакет свежего картофеля, несколько клементинов и маленькая коробочка шоколадок After Eight. Мод осталась очень довольна, отыскав на одном из подогреваемых лотков в отделе кулинарии порцию «Искушения Янссона»^[2]. Порция тут же перекочевала к ней в корзинку. Теперь к рождественскому столу Мод оставалось приобрести только одно.

Мод принялась подталкивать ходунки к мясному прилавку. Юнец, который, по мнению Мод, не мог быть достаточно взрослым даже для конфирмации^[3], стоял и вяло ковырялся среди упаковок с колбасами на полке, повернувшись спиной к стеклянной витрине. Мод остановилась прямо напротив него и сказала:

– Я бы хотела купить небольшой рождественский окорок-гриль.

Тот выдернул из одного уха наушник и спросил:

– Что?

Мод терпеливо повторила свою просьбу.

– Готовый окорок-гриль? – переспросил юнец.

Мод кивнула.

– Тогда топайте за куском от большого. Все маленькие окорока закончились. Здесь в округе полно одиноких пенсионеров.

Юнец язвительно хохотнул. Проявляя чудеса самообладания, Мод дала понять, что в таком случае согласна купить несколько ломтиков большого окорока, который красовался за стеклом холодильной витрины. Проходя мимо Мод, чтобы встать за прилавком, юнец вдруг дернулся и громко взвыл, и этот вой был слышен в каждом уголке магазина. К ним вприпрыжку примчался заведующий, который со страху развалил свою изюмную пирамиду.

– Что здесь происходит? – испуганно спросил он.

– Бабка меня уколола! – вскричал юнец, обличительно тыча пальцем в сторону Мод.

Мод, склонившись еще ниже к поручню ходунков, надтреснутым голосом проговорила:

– Что такое? Что он сказал?

Заведующий растерянно переводил взгляд с Мод на продавца и обратно.

– Ступай в комнату для персонала и успокойся! – наконец суровым голосом велел он мальчишке.

– Но бабка...

– Не называй клиентов баб... этим словом! – зарычал заведующий, лицо которого опасно покраснело.

– Что, простите? – вклинилась Мод.

Она еле сдерживалась, чтобы не захохотать. Мод аккуратно застегнула толстую булавку и незаметно засунула ее обратно в карман. Эту-то вещь Мод изо всех сил и воткнула в ягодицу ничего не подозревавшего мальчишки. Право же, нужно было разъяснить ему кое-что о бабках и окороках! Булавкой Мод всегда незаметно прикрепляла светоотражатель с внутренней стороны правого кармана.

– Ступай в комнату персонала! – непререкаемым тоном повторил заведующий.

Когда мальчишка поплелся прочь, заведующий с вымученной улыбкой обернулся к Мод.

– Простите парнишку. Работает здесь всего пару дней. Вероятно, напоролся на какой-нибудь острый угол. Чем я могу вам помочь?

– Я хотела бы получить триста граммов окорока-гриль. Они у вас такие вкусные, – с искренней улыбкой ответила Мод.

По широкой мраморной лестнице Мод поднялась, неся ходунки в руках. Куда исчезла скрюченная старушка, так растерявшаяся во время переполоха в магазине «Гурме»? Для почти что девяностолетней женщины Мод была невероятно сильна.

Вскоре Мод уже сидела в своем любимом кресле с чашечкой дымящегося кофе в одной руке и густо намазанным горчицей бутербродом с ветчиной в другой. Солодовый хлеб издавал умопомрачительный аромат. Мод надела свои очки для чтения и принялась изучать утреннюю газету.

Тогда-то Проблема и напомнила о себе.

Мод взглянула на часы. Была почти половина одиннадцатого. Для Проблемы – неслыханная рань. Мод шумно вздохнула, решив изо всех

сил игнорировать Проблему. К искреннему облегчению Мод, через несколько минут Проблема рассосалась сама собой, и она смогла вернуться к чтению.

Около двух часов дня, когда для Мод настало время дневного сна, Проблема вновь напомнила о себе. Проблема не на шутку разбушевалась – кажется, даже сильнее, чем обычно. Теперь игнорировать ее стало невозможно, даже если бы Мод очень сильно постаралась.

Их пятиэтажному дому было уже больше ста лет. Построен он был из красно-коричневого кирпича и стоял на прочном гранитном фундаменте. В цокольном этаже располагались гараж и различные торговые помещения. Несмотря на то, что Мод жила на первом этаже, ее окна возвышались в пяти метрах над тротуаром. Стены дома были толстыми и надежными. Его единственной слабостью была канализационная система. Если Мод находилась в ванной комнате или в маленькой уборной, она могла слышать буквально каждое произнесенное соседями сверху слово. В особенности если кто-то из них повышал голос – тогда Мод поневоле вынуждена была выслушивать их обмен мнениями.

В этом-то и заключалась Проблема.

Мод не могла притворяться, что ничего не знает. Хотя чего Мод хотела бы больше всего – так это не иметь к Проблеме ни малейшего отношения. Мод просто желала тишины и покоя.

Однако Проблема упрямо продолжала о себе напоминать. Мод ничем не могла их заглушить – его громкий голос и ее всхлипывания. И глухие звуки ударов, когда он бил ее, а она падала на пол. *Бум-бум-дон!* – доносилось с потолка спальни Мод.

Проблема впервые дала о себе знать прошлой осенью, когда известный адвокат с супругой купили квартиру прямо над головой Мод. Они были богаты, уже не молоды, и дети их вылетели из гнезда. Ходили слухи, что адвокат, не добившись парковочного места во дворе, повел себя просто отвратительно. Однако ему пришлось, как и прочим членам жилкооператива, встать в очередь, время ожидания в которой могло растянуться на годы, продолжая парковать свой «мерседес» на улице, за воротами.

Ремонт в большой квартире длился несколько месяцев, и вот наконец адвокат с женой вселились. Это случилось ровно год назад, в

аккурат перед Рождеством. «Ну наконец-то в доме настанет покой», – подумала тогда Мод. Стук и прочий шум от инструментов рабочих ужасно раздражали ее.

Как раз на прошлых рождественских каникулах Мод поняла, что в доме появилась серьезная Проблема. Эта проблема испортила ей весь сочельник. Бить жену адвокат стал сразу после обеда, а потом – продолжил. Мод никак не могла сосредоточиться на фильме с Джинджер Роджерс и Фредом Астором, который вечером в сочельник показывали по телевизору. Сверху все время доносились ругань и шум.

Ранним утром на второй день Рождества к воротам дома подъехала скорая помощь. Мод слегка приоткрыла входную дверь. Из тамбура доносился хорошо поставленный голос адвоката, который побежал встречать санитаров.

– Она оступилась и упала на лестнице еще вчера. Я еще тогда хотел вам позвонить, но она решила, что это не опасно. Но как только я увидел, как она выглядит сегодня, я сразу вам позвонил...

Мод заперла дверь с таким видом, будто ее сейчас стошнит. Упала на лестнице! Каков мерзавец! Испортил весь праздник!

После этого случая несколько месяцев все было тихо. Весной Мод дважды слышала, как адвокат бил свою жену. Через неделю после Мидсоммара^[4] Мод столкнулась с женой адвоката на лестнице. На улице лило как из ведра, однако, невзирая на непогоду, жена адвоката нацепила объемные солнечные очки. Волосы она убрала под большой платок, выпустив прядь надо лбом. Все ее лицо было покрыто толстым слоем темного тонального крема. Эта маскировка, однако, не помогла скрыть следы побоев – Мод отчетливо видела распухшее веко и кровоподтек у нее над скулой, который походил на фиолетово-синий полумесяц. Они поздоровались, и женщина поспешила мимо Мод.

Сам достопочтенный адвокат закладывал за воротник. Мод могла убедиться в этом, сталкиваясь с ним в тамбуре. Чаще всего адвокат ее вообще не замечал. После того, как он исчезал наверху, за дверью своей квартиры, в воздухе еще долго ощущались алкогольные испарения.

Вот и в этот сочельник Проблема вновь была тут как тут. Мод снова вынуждена была слушать сердитый голос адвоката и плач его жены. Сверху уже привычно доносилось бум-бум.

Очевидно, пришло время решать Проблему. Для себя Мод приняла решение еще прежде чем мысль успела оформиться в ее сознании. Она зашла в ванную. Лучшая слышимость была в туалете, но здесь вентиляционная шахта усиливала звук.

– Чертова сука! Ты чертова...

Бум-бум-дунс.

Мод в бессильной злобе сжала кулаки. От вспыхнувшего у нее в душе гнева сердце Мод забилося быстрее.

– Вытри морду. Ты, мать твою, не можешь в таком виде... парковочное время, – эхом разносился по трубам голос адвоката.

В ответ раздалось какое-то шмыганье носом и невнятное бормотание.

– Я все сказал... ты, грязная свинья, посмотри на себя... придется мне спуститься за парковочным талоном. Даже на это ты не способна! ...сука! Ты должна была взять талон на весь день! Что значит – денег нет? Разве не...

Бум-бум-дунс!

Тяжелые шаги прогрохотали над головой Мод. Он направлялся в сторону холла. Мод сорвалась с места и поспешила в собственный холл. Там она тихонько открыла входную дверь и вывезла в тамбур ходунки, оставив их у стены рядом с лифтом. Мод так разместила ходунки, что их не увидели бы ни идущие по лестнице, ни выходящие из лифта люди. Латунный светильник на стене был выполнен в стиле модерн – его плафон был похож на увядший тюльпан. Мод не раздумывая сунула руку внутрь и выкрутила лампочку. Теперь света не будет.

В тот миг, когда Мод услышала звук открывающейся этажом выше двери, она как раз успела занять исходную позицию – за ходунками. Мод крепко вцепилась в прорезиненный поручень и замерла в ожидании. Адвокат, что-то ворча себе под нос, спотыкаясь, спускался по лестнице. В кармане его пальто звенели монетки, которые адвокат на ходу пытался оттуда выудить. Прямо перед лифтом он остановился, чтобы их пересчитать. Мод из своего укрытия могла дотронуться до его правого плеча, просто вытянув руку. Алкогольные пары, выдыхаемые адвокатом, проникали Мод прямо в ноздри.

– К черту монеты... придется картой... твою мать, как темно...

Неверной шатающейся походкой адвокат вновь двинулся к широкой мраморной лестнице. Мод напрягла все мускулы. Едва адвокат шагнул на верхнюю ступень, Мод сорвалась с места и что было сил въехала ходунками адвокату прямо по икрам.

– Аааай... что за...

Больше адвокат не успел издать ни звука, прежде чем, потеряв равновесие, бешено замахать руками и кубарем покатиться вниз, по мраморным ступеням. Развевающиеся полы его темного пальто делали падающего адвоката похожим на неуклюжую летучую мышь. «Или на вампира», – подумала Мод, спеша обратно к себе. Прежде чем скрыться за дверью своей квартиры, она не забыла вкрутить обратно лампочку. Ходунки Мод, по своему обыкновению, аккуратно поставила около двери. Она даже не потрудилась взглянуть, жив ли еще адвокат. Когда его тело тяжело ударилось о мраморный пол у подножия лестницы, звук был такой, словно кто-то расколол большой кокосовый орех.

В следующий раз Мод открыла входную дверь своей квартиры, лишь когда за оградой дома смолкли полицейские сирены.

Соседка из квартиры напротив стояла в тамбуре, и вид у нее был совершенно убитый.

– Что происходит? – спросила у нее Мод, придав лицу растерянный вид.

– Как хорошо, что вы дома... я как раз собралась вам звонить... это адвокат... он упал с лестницы, – сбивчиво объяснила соседка.

Молодой полицейский поднялся по лестнице и поздоровался с обеими женщинами.

– Вы знали погибшего? – вежливо спросил он. Полицейский обращался к соседке, которая была как минимум на двадцать лет моложе Мод. Та рассказала полицейскому, как звали адвоката и где он проживал. Кивнув, полицейский сказал, что должен подняться и сообщить супруге адвоката о случившемся.

– Эта лестница небезопасна. С нее упала моя сестра, – слабым голосом проговорила Мод, дрожащим пальцем указывая на лестничный пролет.

Соседка внезапно немного успокоилась.

– Но милая Мод, это ведь случилось еще до того, как мы с Гуннаром сюда переехали. А мы здесь живем уже тридцать пять лет, –

воскликнула она, со значением глянув на полицейского.

Покровительственным жестом положив руку на плечи Мод, соседка проводила ее к двери.

– Ступайте к себе, Мод. Если хотите, заходите вечером к нам с Гуннаром. Только у нас будут дети и внуки, придут посмотреть Калле Анку, так что будет немного шумно...

Предложение повисло в воздухе. Мод немедленно обрубилась все концы:

– Нет, спасибо. Это очень любезно с вашей стороны, но... я откажусь. У меня есть свой телевизор.

За спиной Мод два санитара скорой вполголоса переговаривались.

– Несет от него как от винзавода.

Скорая и полиция уехали. Кто-то пришел забрать плачущую жену адвоката. Мод вытащила все вкусности, купленные к рождественскому ужину, и сервировала чайный столик на колесиках. К селедке она откупорила бутылку ледяной водки «Аальборгс Аквавит». День выдался трудный, и Мод решила, что заслужила рюмочку. Из духовки доносился соблазнительный аромат «Искушения Янссона». Довольная видом ломящейся от яств тележки, Мод покатила ее в свою ТВ-гостиную. Там со вздохом удовлетворения плюхнулась она в свое любимое кресло.

Наконец-то старый дом погрузился в настоящее рождественское умиротворение.

Таинственное убийство антиквара

Едва выйдя на пенсию, я бесцельно бродил по весеннему Стокгольму, наслаждаясь солнечной погодой. К прогулкам в одиночестве мне пришлось привыкнуть несколько лет назад, когда я овдовел. Несмотря на то, что у меня есть и дети, и внуки, временами я все же чувствовал себя одиноко. После нескольких неудачных свиданий я практически оставил надежду обрести новую спутницу. Но внезапно она нашлась сама, прямо посреди площади Стуреплан. Она окликнула меня, когда я проходил мимо.

– Простите, вы не подскажете, где найти этот пресловутый Гриб? – спросила она с отчетливым гётеборгским выговором.

У незнакомки были блестящие орехово-карие глаза и вьющиеся светлые волосы, и выглядела она так мило, что у меня поначалу прямо-таки язык прирос к небу.

– Если вы обернетесь и взглянете наверх, то сразу его увидите, – наконец смог я выдать из себя.

Незнакомка тут же развернулась на каблуках и уставилась на бетонное сооружение, которое называют Грибом по той простой причине, что больше всего оно напоминает именно гриб. Изначально эта конструкция была предназначена для того, чтобы ожидающие приезда такси люди могли укрыться от дождя. Но благодаря тому, что грибной силуэт всем хорошо знаком, люди стали назначать встречи у Гриба под шляпкой.

– Вы ждете кого-то? – осторожно поинтересовался я.

Она расплылась в лучезарной улыбке.

– Да. Вас!

Полгода спустя мы уже были женаты.

Мари на десять лет моложе меня, и в ту пору она еще работала чертежницей в архитектурном бюро Гётеборга. После смерти родителей ей досталась прекрасная квартира. Она расположена практически в центре города – а точнее, в Вазастане. В этом году будет двадцать семь лет, как мы съехались, а я сделался гётеборжцем.

Вы, конечно, помните, что июнь и июль в этом году выдались дождливыми и довольно прохладными, а вот август, на удивление,

принес долгую волну тепла. Как раз когда пришла жара, наш прекрасный старинный кирпичный дом обнесли строительными лесами и обернули гигантским покрывалом. Жилкооператив постановил, что фасад дома нуждается в основательном ремонте и обновлении. С того момента уже в семь часов утра включались мойки высокого давления, шум от которых изрядно действовал на нервы. Из-за покрывающих леса декоративных полотнищ вся квартира была погружена в полумрак.

Реновация фасада шла полным ходом уже вторую неделю, и мы искренне устали – казалось, рабочие специально тянут время. Мари предложила взять купальники и корзину для пикника и на трамвае поехать в Сальтхольмен. Там мы обычно прыгаем в первый попавшийся шхербот, который везет нас на один из островов. Мы частенько так делаем, когда погода подходит для купания. По стоимости такая поездка ничуть не отличается от обычного билета на трамвай, а для нас, пенсионеров, по выходным да и в дневное время по будням проезд вообще бесплатный.

Но когда, спустившись вниз, мы уже собирались выйти из лифта, то попросту не смогли открыть дверь. Вся площадка перед лифтом и главная лестница были запружены полицейскими. Дверь в квартиру фрекен Мод была открыта нараспашку, а у нее в холле я заметил еще группу полицейских.

Что же там случилось? Неужели что-то стряслось с престарелой дамой? Ну как престарелой – она ведь всего на пару лет старше меня. Во мне проснулся журналистский инстинкт (дремавший со времен работы в вечерней газете «Экспрессен»). В основном я делал криминальные репортажи, но иногда писал и о различных музыкальных и культурных событиях. Я считаю, что у журналиста должен быть нюх на новости в разных сферах, иначе никакой он не журналист. К тому же, в качестве подспорья к невысокому газетному жалованью, я много лет не без успеха писал детективные рассказы.

Спиной к нам стояли двое полицейских в форме. Я осторожно дотронулся до плеча одной из них – молодой женщины. За спиной у нее была толстая коса. Ее искрящиеся волосы глубокого медного оттенка вызывали неподдельное восхищение.

– Прошу прощения. Мое имя Рихард В. Берг. Писатель и журналист. Мы с супругой проживаем на верхнем этаже. Что здесь

произошло? Я могу быть полезен? – поинтересовался я.

Она смерила меня быстрым взглядом и вновь отвернулась. Не отчаиваясь, я повторил свои вопросы еще раз. Тогда уже обернулся ее коллега и уставился на меня. К моему удивлению, высокий полицейский тоже оказался женщиной. Едва я успел прийти в себя от удивления, она широко улыбнулась и сказала:

– Полезен? Возможно. Вы знакомы со всеми соседями по подъезду?

– Да, я живу здесь уже двадцать семь лет, – ответил я.

Она задумчиво посмотрела на меня. Оценивающе. Очевидно, взвешивала, стоит ли тратить время на болтовню старика. Чтобы повысить собственную значимость в ее глазах, я поспешил добавить:

– В свою бытность журналистом в Стокгольме я не единожды оказывал помощь в расследовании преступлений своему хорошему другу – комиссару полиции Нильсу Торену. Это...

– Никогда не слышала ни о каком Торене. Хотя запомнить имена всех коллег из Стокгольма невозможно.

Это было вовсе не странно, потому что мой дорогой друг вышел на пенсию примерно в то время, когда очаровательная служительница порядка посещала начальную школу.

– Значит, вы знакомы со всеми соседями. И утверждаете, что принимали участие в расследовании преступлений, – резюмировала она.

Потом зрачки ее сузились, и она, прищурившись, уставилась прямо на меня.

– В таком случае, вам ведь не впервой видеть кровь и мертвые тела?

– Не впервой, такое случалось, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал бодро, как ни в чем не бывало.

– Отлично. Тогда пройдемте, – скомандовала она и, уверенно взяв меня за предплечье, подтолкнула к распахнутой двери в квартиру Мод.

Прочие полицейские расступились, чтобы пропустить нас. Некоторые уставились на меня с интересом, явно не понимая, что старик собирается делать на месте преступления.

В холле у Мод было темно, но электрический свет проникал туда через два дверных проема. Первая дверь вела в кухню, где время, кажется, остановилось в момент постройки дома (на гранитном

основании наших помпезных ворот высечено «1918»). Плита и холодильник были относительно современными, но в остальном все выглядело прямо как в доме моих родителей на Томтебугатан, когда я был ребенком. Откровенно говоря, наша кухня не была и в половину такой просторной, как эта, но убранство было схожим.

Мне повезло, что сотрудница полиции крепко держала меня под руку, потому что я умудрился в чем-то запутаться ногами и чуть было не споткнулся. Оказалось, что это ходунки, которые хозяйка оставила под шляпной полкой.

В комнате за другой дверью в кресле обнаружилась бедняжка Мод – она сидела и всхлипывала. Я остановился, и моя провожатая – тоже. Обычно Мод ведет себя весьма сдержанно. Она здоровается с соседями, и может перекинуться парой слов о погоде, но никогда не заводит долгих разговоров. Ни с кем близко не общается. Думается, все из-за застарелой вражды по поводу ее квартиры.

Как объяснила мне Мари, Мод десятилетиями жила в своей квартире бесплатно, к вящему неудовольствию правления жилкооператива и многих его членов. Но я не порицаю ее за то, что она смогла извлечь выгоду из своей жизненной ситуации. Она ведь совершенно одинока, а это соглашение стало для нее удачей. За долгие годы различные правления, которые сменяли друг друга, неоднократно пытались избавиться от Мод, но безуспешно. Гуннар, ее сосед из квартиры напротив, однажды обмолвился, что у Мод водятся деньги – ведь она чаще путешествует, чем бывает дома.

Теперь, однако, Мод сидела в своей гостиной, потерявшись в маленьком кресле с подлокотниками, и душераздирающе всхлипывала. Она прижала руки к лицу, и выглядела совершенно раздавленной. Молодой полицейский сидел рядом на краешке дивана и понимающе похлопывал ее по руке.

– Сейчас я подойду, поговорю с ней, – сказала моя провожатая.

Ее младший коллега кивнул и тут же отозвался:

– Хорошо, комиссар.

– Комиссар? Так женщина, державшая меня под руку, комиссар?

Словно подслушав мои мысли, она решила представиться:

– Меня зовут Ирен Хюсс, и я заместитель комиссара уголовной полиции. В этой квартире находится труп. Несчастливая хозяйка

квартиры обнаружила его сегодня утром. Запах заставил ее совершить обход помещений. В одной из комнат обнаружилось тело.

С этими словами комиссар Хюсс снова вытащила меня в холл. Я мог понять, почему Мод почуяла неладное. Чем дальше мы заходили в глубь квартиры, тем сильнее становился отвратительный дух. Мы миновали множество запертых дверей и несколько больших погруженных во мрак залов, где мебель была покрыта белыми чехлами. Настроение было тягостное, и по спине у меня пробежала дрожь, заставив оставшиеся волосы встать дыбом на загривке. Трупный запах становился все более интенсивным, и я, несмотря на то, что бросил курить сорок два года назад, внезапно испытал острое желание сделать затяжку. Но комиссар, конечно, не позволила бы этого. Крепко держа меня под руку, она тащила меня вперед, и кажется, вонь совершенно ее не смущала.

Наконец мы подошли к открытой двери. В соседнем помещении сновало множество одетых в белое людей. Комиссар Хюсс остановилась.

– Я бы хотела, чтобы вы взглянули на тело жертвы и постарались его опознать. Вы согласны?

– Да... разумеется.

Мне было сложно говорить, поскольку я изо всех сил пытался задержать дыхание.

Криминалисты-техники помогли мне надеть одноразовый халат, шапочку и бахилы. Хвала Господу, мне выдали еще и респиратор. Однако, подойдя к открытой двери, я вынужден был констатировать, что особой разницы не было. Так что я счел за лучшее поскорее с этим разделаться. Сопровождаемый техником, я шагнул через порог комнаты.

Это был словно шаг через временной портал. Я очутился в салоне столетней давности. На полу – толстые ковры. Четыре массивных стула с подлокотниками, обтянутые растрескавшейся коричневой кожей, были расставлены вокруг низкого круглого столика, столешница которого была покрыта пластиной из оксидированной меди. Курительный столик. Помнится, у мужа моей тетушки – директора банка – был похожий салон в апартаментах на улице Страндвеган.

Вдоль одной из стен стояла широкая витрина, стеклянные дверцы которой были распахнуты. На полочках внутри были расставлены различные серебряные безделушки. Мой взгляд заскользил дальше и остановился на картине, висевшей возле изразцовой печи. На несколько секунд сердце мое забилось чаще. Неужели и правда..? Обратно в действительность меня вернули слова техника:

– Не стоит идти дальше, вы можете случайно наступить в лужу крови, – приглушенным голосом произнес тот.

Мощные светильники на штативах освещали место, где лежало тело. В том, что покойный стал жертвой убийства, не было никаких сомнений. Огромная лужа темной липкой крови растеклась по полу, и часть даже впиталась в персидский ковер. Повсюду жужжали мухи.

Он лежал лицом вниз возле изразцовой печи. На затылке у него зияла кровавая рана. Рядом с телом валялась тяжелая кованая кочерга. Мне бросилось в глаза, что покойный был одет в чистый темно-синий костюм. Манжет рубашки, торчавший из-под рукава пиджака, был нежно-розовым, в тон гольфам, которые виднелись из-под задравшейся брючины. Состояние подметок его лаковых кожаных туфель говорило о том, что туфли были новыми. Покойный принарядился. «Странный выбор одежды при такой жаре», – промелькнула у меня мысль. Но что подстегнуло мое любопытство сильнее всего – так это белые хлопчатобумажные перчатки на руках покойного. Чуть в стороне от тела стояла большая матерчатая сумка, и с моего места было видно, что внутри нее что-то поблескивает.

Спина покойного была выгнута странной дугой. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить почему. Он упал лицом вниз, прямо на мраморный пьедестал с решеткой, которая ограждала изразцовую печь. Решетка была выкована в виде замка, один из шпилей которого угодил прямо в правый глаз покойного.

В этот момент голова у меня пошла кругом, и меня накрыла волна дурноты. Приветливый техник понял, как обстоят дела, и поспешил вывести меня из комнаты. Снаружи ожидала комиссар Хюсс. Общими усилиями они смогли усадить меня на накрытый белой тканью стул и велели глубоко дышать.

– Успели что-нибудь разглядеть? – поинтересовалась комиссар Хюсс.

– Не так уж много. Только то, что волосы у него были довольно... светлые, – смог я выдать из себя.

Несмотря на кровь, мне показалось, что на шее покойного я видел клок светлых волос.

– Верно. Обесцвеченные волосы, на голове – короткий хвост. Возраст мы оценили примерно от сорока пяти до пятидесяти пяти. Слегка избыточный вес, средний рост, хорошая одежда. Костюм и дорогие туфли. Соответствует ли это описание кому-то из живущих по соседству людей?

На самом деле, описание кое-кому соответствовало. Только я не мог понять, что этот человек делал дома у Мод.

– Он живет не здесь... это мог быть тот человек, который выкупил... антикварную лавку в доме напротив.

К моей досаде, дрожь так до конца и не прошла. Но чем больше я думал, тем сильнее уверялся в том, что это и в самом деле был торговец антиквариатом. Как там его звали?

– Как его зовут? – разумеется, комиссар спросила именно это.

– Не помню. Но Мари... моя супруга, возможно, знает, – ответил я.

Техник помог мне избавиться от защитного костюма. Комиссарша снова подхватила меня под локоть, однако на этот раз я вежливо, но твердо стряхнул с себя ее руку. Я более не нуждался в поддержке.

Мы остановились на пороге комнаты, в которой сидела Мод. К моему удивлению, комиссарша снова взяла меня под руку и подтолкнула внутрь.

– Ваш сосед, Рихард Берг, оказал нам помощь в опознании жертвы. По его словам, это мог быть человек, который держит в соседнем доме антикварный магазин. Вы знакомы с ним? – вежливо спросила она у Мод.

Мод подняла заплаканное лицо и только покачала головой. Комиссар обернулась к молодому полицейскому, который до сих пор сидел на краешке дивана, и попросила его разыскать Мари, и выяснить, известно ли ей имя местного антиквара. Когда полицейский скрылся за дверью, комиссар Хюсс вновь обратилась к совершенно уничтоженному существу в кресле.

– Я хочу знать, чем вы занимались на этой неделе, – сказала она.

Поначалу было неясно, поняла ли Мод, что вопрос адресован ей, но едва комиссар набрала в легкие воздуха, чтобы повторить его, хозяйка

слабым голосом отозвалась:

– Я... была в отъезде.

– Как долго?

– Четыре... нет, пять дней.

– Где вы были?

– Варберг. Курорт. Апельвикен. Я приехала туда утром в понедельник, потому что меня разбудил ужасный шум... они собирались чистить наш фасад...

– А до того вы были дома?

– Да... но всего три ночи. В прошлую пятницу я прилетела из Хорватии. Там я провела месяц. Но утром в понедельник меня разбудил ужасный...

– Да, это я уже поняла. Но вы ведь пробыли дома всего три дня?

– Да. Так как утром в понедельник меня разбудил ужасный шум, я тут же забронировала номер и поехала в Варберг... поездом. Курорт... Как он называется?.. Ну да, точно. Апельвикен. Курорт.

Комиссарша издала едва различимый вздох. Но затем она улыбнулась Мод и, как ни в чем не бывало, продолжила:

– Вернувшись из Хорватии, вы делали обход квартиры?

– Нет... я вернулась поздно. А в субботу мне пришлось немного закупиться продуктами и постирать одежду... В воскресенье я ходила гулять в лес Слоттсуген. Погода была такая прекрасная! Я и подумать не могла, что здесь станет так шумно... но утром в понедельник меня разбудил...

На этот раз комиссарша оборвала Мод, как мне показалось, довольно грубо.

– Да, промышленные мойки – очень шумные. Но неужели вы даже не заподозрили, что кто-то побывал у вас дома во время вашего отсутствия?

Мод медленно покачала своей белоснежной головой. Волосы у нее до сих пор оставались на удивление густыми, и она носила их уложенными по старинке, ракушкой на затылке.

– Нет... На входной двери у меня три замка. И столько же на двери с черной лестницы. Как... как же он вошел?

– Мы обнаружили, что одно из окон в комнате было приоткрыто. Возможно ли, что это вы его открыли, а потом забыли закрыть?

Неожиданно Мод выпрямила спину, и вид у нее сделался оскорбленный.

– Совершенно невозможно! Я не заходила в комнату отца уже четыре месяца!

– Вы это точно помните?

– Совершенно! В двух своих комнатах я делаю уборку каждую неделю. А еще в ванной и на кухне. Раз в месяц я навожу порядок еще в одной или двух других комнатах. Только так я могу... справиться...

Мод внезапно умолкла и уставилась на комиссара Хюсс широко раскрытыми глазами. Свои дрожащие руки Мод в отчаянии сцепила на коленях.

– Или... может быть... я все-таки была там, и открыла... Когда я вернулась из Хорватии, дома стояла жара и духота... но тогда он ведь еще не мог там лежать. Разве нет? Тогда я бы его заметила. Но я, в самом деле, не могу вспомнить, чтобы я туда заходила и открывала окно. Или я вообще сделала это до отъезда в Хорватию? Не помню!

Последняя фраза больше походила на вопль отчаяния. Этот выплеск эмоций, кажется, лишил Мод последних сил. Она вновь сникла и после уже сидела, не поднимая головы.

За нашими спинами раздалось деликатное покашливание. В дверном проеме стоял молодой полицейский. С довольным видом он отрапортовал, что ему удалось переговорить с Мари. Затем он продолжил:

– Фру Берг сообщила, что три года назад антикварную лавку выкупил некто по фамилии Фрацен. С двумя «ц». Имени она не знает.

Не поднимая глаз, слабым, чуть хриплым голосом Мод проговорила:

– А что он... что было в сумке?

– Два серебряных канделябра. Большие и тяжелые. Еще хьюмидор и кубок, тоже серебряные, – ответила комиссар Хюсс.

Мод кивнула, словно получив подтверждение каким-то своим догадкам.

– Серебряные канделябры маме с папой подарили на свадьбу. Они всегда стояли в комнате отца, в специальной витрине. Мы доставали их только по большим праздникам, когда накрывался стол в большом зале... то есть... я хочу сказать...

На мгновение Мод показалась мне совершенно растерянной. Потом она снова закрыла лицо руками, и раздались всхлипы.

Комиссар Хюсс проводила меня к выходу и поблагодарила за содействие.

Мари так и стояла там, где я ее покинул.

– Вероятно, теперь ты уже не захочешь плыть на шхеры? – спросила она.

– Наоборот, как раз этого я и хочу. Мне просто необходимо выветрить этот запах и попытаться отвлечься, – уверенно ответил я.

Об антикваре по фамилии Фраццен Мари было известно совсем немного. Очевидно, он специализировался на старинных изделиях из золота и серебра. Несколько раз он принимал участие в телевизионной программе, гости которой желали выяснить возраст и стоимость своих изделий.

Вечером я позвонил своему старому другу, инспектору уголовной полиции Торену. Ему недавно исполнилось девяносто шесть. Несмотря на то, что тело его сделалось хрупким, его ум оставался кристально ясным. Я поведал ему о потрясениях прошедшего утра, стараясь передать все настолько полно, насколько мог. В числе прочего упомянул я и картину, которая украшала стену в комнате, где произошло убийство.

– Ты в самом деле уверен, что это подлинный Андерс Цорн? – с сомнением в голосе прокричал он мне в ухо.

Он кричит, когда говорит с кем-то по телефону, потому что со слухом у него неважно. Мне это совершенно не мешает, потому что я сам немного тугоух.

– В самом деле. Ты же знаешь, я всегда интересовался искусством. Холст, масло. Две молодые и, разумеется, обнаженные женщины прыгают в воду со скалы. Удобный формат, примерно шестьдесят на сорок сантиметров.

Нильс долго молчал.

– И сколько она может стоить сейчас, если это подлинник? – наконец спросил он.

Прежде чем ответить, я набрал в грудь побольше воздуха.

– Я посмотрел актуальные расценки у Буковски. Картина такого формата потянет примерно на десять миллионов крон.

Последовавшая за этим тишина была долгой и наводила на размышления. Потом Нильс откашлялся и снова заговорил:

– Все двери были заперты на несколько замков. Строительные леса покрывают весь дом, да еще эти декоративные полотнища. С оконной рамы в комнате, где произошло убийство, сняты ручки. Получается, антиквар взобрался по лесам и проник через окно. Тогда встает вопрос, каким образом он ухитрился снять ручки. Обычно домушники разбивают стекло, чтобы просунуть внутрь руку и открыть раму, – констатировал Нильс.

– Верно. Но Мод не может сказать точно, заходила ли она в комнату и открывала ли окно, вернувшись после месячного отдыха в Хорватии. Она еще несла какую-то чушь про то, что могла открыть окно еще до отъезда, что едва ли может быть правдой. В июле было много дождей, но паркет под окном не пострадал. Окно не могло простоять открытым так долго.

После этих слов вновь воцарилась тишина, а затем Нильс опять заговорил:

– Когда, ты говоришь, были смонтированы строительные леса и декоративные полотнища?

– Почти две недели назад.

– Это означает, что дама открыла окошко, вернувшись из Хорватии. Летом в квартире быстро становится душно, если не проветривать. Тогда, если верить ей, тела в комнате еще не было.

– Нет. Но она все время путалась и сказала, что ничего не помнит.

– У нее склероз? – резко спросил Нильс.

Я крепко задумался, прежде чем дать ответ.

– Откровенно говоря, я с ней не так уж хорошо знаком. Но я никогда не замечал у нее признаков деменции. Она всегда производила впечатление дамы, которая способна о себе позаботиться. Если вспомнить о тех длительных поездках, которые она так часто предпринимает... Нет, раньше я не замечал ни малейших признаков дезориентации у Мод. Но, быть может, это все шок?

– Возможно. Техники обнаружили следы присутствия вероятного подельника?

Ответ я знал совершенно точно, потому что слышал, как техники обсуждали это.

– Очевидно, в луже крови они обнаружили отпечаток мужской туфли, но он оказался нечетким. Использовать его как улику нельзя.

– Как удобно, – сухо сказал Нильс.

Я понял, что мысли Нильса бежали в том же направлении, что и мои собственные.

– Ты думаешь то же, что и я, – проговорил я тогда.

– Его убила эта тетка, – констатировал Нильс.

– Да. Только мне не ясен ее мотив. И зачем было убивать его в своей собственной квартире? И подумай только – каким нужно обладать хладнокровием, чтобы как минимум две ночи спать в одной квартире с трупом своей жертвы!

– Или четыре, – сказал Нильс.

– Четыре?

– Ну да. Она вернулась домой вечером в пятницу. Если убийство произошло прямо тогда, то получается четыре ночи. Если антиквар был убит в субботу – три. Если в воскресенье – две. Она же уехала в Варберг не раньше утра понедельника? А вернувшись домой после пяти дней на спа-курорте, она проспала там еще целую ночь, прежде чем сообщить, что обнаружила у себя в квартире труп. Так что в одной квартире с мертвецом она провела от двух до четырех ночей. Невзирая на то, что все это время знала о том, что он лежит в салоне. Если все это действительно так, она чертовски хладнокровная дамочка!

Мы снова примолкли, мысленно пробегая весь сценарий. Возможно ли это, в самом деле? Но зачем бы Мод..? Я находил лишь одно объяснение.

– Я думаю, она застала его за кражей серебра. Вспомни хлопчатобумажные перчатки, которые были на нем. Она ударила его кочергой. Возможно, она не хотела его убивать, но, к несчастью, Фрацен упал прямо на решетку, и острый шпиль прошил его глаз, а затем и мозг. Он скончался на месте. Мод оставила канделябры и кубок лежать в его сумке. Возможно, она заметила, что оставила в крови свой след, отыскала туфлю большего размера и оставила ею отпечаток поверх собственного. И специально постаралась, чтобы оттиск был нечетким.

– Есть такая вероятность. Но у нас лишь косвенные улики и предположения. Нужно позволить этой... комиссару Хюсс вести расследование. Остается надеяться, что криминалисты обнаружат

годные улики. Теперь ведь есть анализ ДНК и масса других примочек, которых в мое время не было.

– Значит, подождем и посмотрим, что из этого выйдет? – спросил я.

– Так будет лучше всего. Но на всякий случай отвечай отказом, если вдруг она пригласит тебя на кофе, – разразился хриплым смехом Нильс.

Сейчас приближается Рождество. Не далее как вчера, я столкнулся с Мод на лестнице. Она, как обычно, поздоровалась и пошла дальше. Я вежливо ответил, ощутив, как по спине пробегает дрожь.

Полиция до сих пор не раскрыла убийство антиквара. Они все еще разыскивают предполагаемого подельника, сам факт существования которого подтверждается лишь нечетким отпечатком подошвы. Ну и наличием трупа.

Только мы с Нильсом Тореном знаем правду, но доказать ничего не можем. Да и какой полицейский станет принимать в расчет рассказы двух старых сморчков? Учитывая это, мы с Мари стараемся ничем не тревожить Мод.

Фрекен Мод перед лицом трудноразрешимой проблемы

Весь день Мод моталась по аэропортам и пересаживалась с рейса на рейс. С тех пор, как она покинула хорватский Сплит, миновало уже десять часов, считая пересадки во Франкфурте и в аэропорту Каструп^[5]. Преимуществом такого долгого пути для Мод стала возможность поразмыслить над экономической дилеммой, которая стояла перед ней.

Кофе и бургер с котлетой, которые Мод взяла в кафетерии аэропорта Ландветтер, оказались вкусными и придали ей новых сил – в завершение путешествия Мод предстояло специальным автобусным рейсом от авиакомпании доехать до центра Гётеборга. В пути-то Мод и приблизилась к пониманию того, как будет решать возникшую проблему.

Войдя в холл, Мод прямо у порога бросила рюкзачок и дорожную сумку и решительным шагом проследовала прямо в противоположный конец апартаментов.

У Мод никогда не возникало мысли что-то поменять в папином салоне. Там все выглядело точь-в-точь как в день смерти отца семьдесят лет назад. Временами Мод казалось, что, заходя в салон, она ощущает в воздухе слабый аромат сигарного дыма.

Однако никогда прежде этот запах не казался Мод таким сильным, как в этот раз, когда она перешагнула порог отцовской комнаты. Ей предстояло принять невыносимо сложное решение, и это было мучительно.

Настало время взглянуть на вещи реально. Ей скоро стукнет восемьдесят девять. У нее нет наследников, так что все достанется Фонду Общественного Наследия. А эти стервятники из правления жилкооператива только и ждут того, чтобы вонзить когти в ее прекрасное жилище. Они раздробят апартаменты на несколько маленьких квартир, сделают в них шикарный ремонт и продадут втридорога. Мод необходимо было признать, что держаться за все эти

побрякушки из сентиментальных причин было совершенно нерационально.

За прошедшие годы Мод успела распродать часть коллекции живописи. Среди прочего – Бруно Лильефорса, большого Карла Ларссона и полотно в стиле модерн Нильса Дарделя. Последнего она никогда не любила, хотя денег за него выручила больше всего. Сейчас у Мод оставалась картина Андерса Цорна, и висела она на стене в салоне. Отец лично ездил в Даларну и приобрел ее из рук самого художника еще в начале прошлого века. Мать сочла полотно возмутительным. Она не уставала повторять, как рада, что картина висит в салоне и ей не приходится часто на нее глядеть. Мод знала, что картина представляет ценность, но ей сюжет с освещенными солнцем женскими телами у кромки воды, напротив, нравился, и Мод совсем не была готова расстаться с полотном.

В задумчивости она долго разглядывала витрину с отцовским серебром. Свет хрустальной люстры отражался на гладкой полированной поверхности вещей. Каждый год перед Рождеством Мод полировала всю коллекцию. Обычно это действо отнимало у нее минимум три дня. Это время Мод могла бы употребить куда лучше! На путешествия, к примеру. Но путешествовать – дорого. Коллекция за стеклянными дверцами стоила целое состояние, Мод это понимала. А она нуждалась в деньгах. В больших деньгах. Положение Мод не было столь отчаянным, но она запланировала для себя путешествие, стоимость которого пробьет существенную брешь в ее бюджете.

Мод намеревалась отправиться в тур по Южной Африке, по самому высшему разряду – об этом она мечтала очень давно.

Само собой, в Южной Африке Мод уже бывала – даже дважды. Но тогда она привычно выбирала простые, но чистые гостиницы, а с места на место переезжала автобусом или поездом. Расстояния в этой стране огромны, и переезды отнимали много времени. По этой причине Мод не успела увидеть и части того, что заранее себе намечала.

Теперь же она задумала потратиться на всеобъемлющий тур по Южной Африке – с шведоговорящим гидом. Пятизвездочные отели. Эксклюзивное размещение в парке Крюгера, где во время сафари есть шанс увидеть «Большую пятерку»^[6]. Экскурсии на виноградники. Фантастические ужины в мишленовских ресторанах. Водопад

Виктория. Круиз по реке Замбези. Неделя в Кейптауне. Всего двадцать четыре дня. А стоять это все будет целое состояние.

Но почему нет? Почему бы не осуществить мечту, пока она не стала для этого слишком стара? Если уж совсем начистоту: Мод больше не могла таскать сумки и пользоваться душным общественным транспортом. Она больше не хотела оказаться в увязшем в глиняной жиже автобусе – а ведь после сильного дождя такое случалось, и не раз. Путешествовать по Европе – это одно, а по Африке – совершенно другое. Годы летят, и моложе она не становится. Мод все еще здорова и сильна, и пока еще такое длительное путешествие не станет для нее проблемой. Ее будут везде возить и сопровождать. Так Мод никогда прежде не путешествовала, но теперь такой стиль казался ей прекрасно подходящим для... престарелой дамы. А еще она сможет избежать празднования Рождества и Нового года в Швеции. В Южной Африке в это время – середина лета. Но в этом туре заявлено всего двадцать два места. Бронировать нужно немедленно.

Выбор Мод пал на серебряную коллекцию.

Вообще на мысль о продаже натолкнул Мод тот антиквар, что выкупил лавку у старика Гельмута Гольдмана. У молодого человека была донельзя нелепая фамилия – Фраццен. Настоящий франт, вот только волосы чересчур длинные и хвост потешный.

Телепрограмма «Бесценная находка» немного улучшала его имидж. Это была одна из любимых передач Мод, и демонстрировали ее уже несколько сезонов. Фраццен там выступал в роли эксперта по старинным золотым и серебряным изделиям. Мод вынуждена была признать, что впечатление он производил самое благоприятное. Судя по всему, в своей теме Фраццен разбирался. А тот факт, что антикварная лавка Фраццена находилась по соседству, стал определяющим: Мод решила продать коллекцию ему.

На часах было уже без четверти шесть, а лавку он закрывал в шесть часов ровно. Мод аккуратно сняла с верхней полки и взяла в руки маленький серебряный кубок. Отец частенько, указывая на этот кубок, повторял, что, будучи самым маленьким в коллекции, он, тем не менее, был самым ценным. Мод знала, что кубок был сделан в 17-м веке и совершенно точно принадлежал французскому королю.

Что-то подсказывало Мод, что на такую наживку Фраццен должен клюнуть.

На улице было пустынно, за исключением нескольких автомобилей, припаркованных в специальных карманах. Воздух дрожал над раскаленным асфальтом. Выйти из дому было словно шагнуть через порог жарко натопленной бани, но для Мод такая жара была привычной. Надев голубое летнее платье и тонкий белый кардиган из хлопка, Мод чувствовала себя вполне комфортно. Ноги ее были обуты в белые сандалеты, а на сгибе локтя болталась песочного цвета холщовая сумка. Мод издали заметила, как Фрацен выходит из лавки, закрывая за собой стеклянную дверь, на которой красовалась гравировка: «Антикварный магазин Гольдмана, основан в 1950 году. Приемник – У. Фрацен, эксперт по золоту и серебру». Антиквар был одет в темный костюм с розовой рубашкой и выглядел так, словно сразу после работы намеревался отправиться в какой-нибудь клуб или ресторан. «Жарко и непрактично», – подумала Мод.

Мод подошла, когда антиквар уже закрывал последний замок. Не подавая виду, что вообще заметил ее, Фрацен опустил массивную ажурную решетку, которая закрывала и дверь, и витринное окно. Затем Фрацен достал связку ключей и нажал на подвешенную к ней маленькую круглую штучку, после чего раздался громкий писк. Замок отозвался громким щелчком. Это означало, что на сегодня магазин закрыт.

Справившись со своими делами, антиквар обернулся к Мод и бегло просканировал ее с ног до головы.

– Электронный замок, – пояснил он, кивая на кованую решетку.

– Практично. Как я понимаю, вы уже закрылись на выходные, – начала Мод.

– Разумеется, но в данный момент не только на выходные, а еще и на три недели отпуска, – отозвался Фрацен, сверкнув белозубой улыбкой.

«За этот наборчик тебе пришлось немало выложить», – подумала Мод, произвольно растягивая губы в ответной улыбке, но вслух, конечно же, ничего не сказала.

– Правильно ли я поняла, что господин Фрацен – специалист по благородным металлам? – заговорила она, принявшись дергать молнию на своей сумочке. Само собой, ткань попала в бегунок. Когда в результате ожесточенной борьбы Мод все же одолела замок, она запустила руку в сумочку и вытащила наружу нечто маленькое,

тщательно обернутое газетной бумагой. Скептическому взору Фраццена открылась серебряная вещица. Зрачки эксперта расширились, едва он разглядел красиво декорированный кубок с позолоченным нутром. Слегка дрожащей рукой Фраццен принял сосуд. Из внутреннего кармана пиджака он выудил маленький футляр, внутри которого оказался монокль. Приладив его к одному глазу, Фраццен принялся внимательно разглядывать клеймо на доньшке кубка.

– Изысканно... изысканно. Франция... королевское происхождение, – тихонько бормотал он себе под нос.

Нехотя возвращая кубок, Фраццен сверкнул еще одной ослепительной улыбкой.

– Желаете его оценить или продать? – поинтересовался антиквар.

– Продать. У меня есть и другие вещи.

Мод поведала Фраццену об увлечении отца коллекционированием старинного серебра, добавив, что приняла решение продать сразу все. Фраццен даже не пытался скрыть, насколько ему любопытно взглянуть на всю коллекцию. Но, к сожалению, прямо сейчас у него не было возможности зайти к Мод.

– Мы с несколькими друзьями должны сейчас организовать поминки по одному из наших недавно ушедших товарищей. Он живет... жил в Австралии, и ни у кого из нас нет возможности отправиться туда, чтобы проводить его в последний путь.

Это объясняло темный костюм. «Но так ли важно соблюдать приличия на такой жаре?» – подумала Мод, решив в дальнейшем больше не беспокоиться о его одежде.

– А с завтрашнего дня я, как уже говорил, собираюсь в автомобильное путешествие по Европе и Великобритании – это будет одновременно и отпуск, и шоп-тур, – добавил Фраццен.

Прежде чем ответить, Мод пришлось пораскинуть мозгами.

– Вы поздно освободитесь? С поминок, я имею в виду.

– Нет, разойдемся уже в восемь часов. Ребята завтра собираются участвовать в парусной регате в Марстранде. Старт ранним утром, так что им нужно хорошенько выспаться.

Выходило так, что антиквар вполне мог успеть зайти к Мод попозже вечером. И она решила попытать счастья.

– Тогда, может быть, договоримся, что вы зайдете сразу после поминок? – спросила Мод.

Фраццена едва ли пришлось бы уговаривать.

– Я буду самое позднее в девять, – мгновенно согласился антиквар, и на его лице заискрилась очередная улыбка.

Даже если эта улыбка была искренней, во взгляде Фраццена не было и намек на теплоту. Мод видела в нем лишь холодный расчет. Маленький кубок пробудил в нем алчность. «Вот и славно, – подумалось Мод. – Значит, ты как следует заплатишь».

Ровно в 21:00 раздался звонок домофона, и Мод впустила Фраццена. Очевидно, он и вправду явился прямо с поминок, потому что одет был в тот же темно-синий костюм. Рукопожатие Фраццена вышло вялым, а ладонь была влажной и горячей. Его окружал ореол из труднопереносимой смеси запахов пота и мужского парфюма.

– Я прихватил с собой сумку, какая нашлась в машине, – сообщил Фраццен, демонстрируя хозяйке несуразно большую кладь.

Мод сама не до конца понимала, чего от него хочет. Откровенно говоря, она думала, что сегодня вечером он проведет лишь первичную оценку, а уж забрать коллекцию сможет когда Мод получит деньги. В душе у нее зашевелились подозрения. Насколько вообще серьезен этот человек? Мод не могла забыть, как его холодный оценивающий взгляд намертво приклеился к серебряному кубку. Вне всяких сомнений, Фраццен вернул ей вещицу против воли, это было заметно. Нужно держать ухо востро с этим типом, несмотря на то, что он телезвезда. А может быть, наоборот, как раз по этой причине.

Мод молча развернулась на каблуках, знаком указав антиквару следовать за собой. Боковым зрением Мод отмечала, как Фраццен завертел головой из стороны в сторону, пытаясь на ходу разглядеть всю обстановку по пути в салон.

Мод показалось, что она может подслушать расчеты, производимые в его голове. Мебель в основном стояла в чехлах, но картины и прочий декор стен он мог лицезреть.

Салон пребывал во мгле, потому что декоративные полотнища, закрывавшие строительные леса, не пропускали свет с улицы. Мод включила верхний свет и вошла в комнату. Фраццен остановился на пороге, взглядом обшаривая интерьер. Затем он повернулся к Мод и стрельнул глазами по витрине с фарфором.

– Фантастика! Комната, на сотню лет застывшая во времени! – с энтузиазмом воскликнул антиквар.

Не меня выражения лица, Мод кивнула в подтверждение его слов. Ведь так оно и было – в этой комнате время остановилось.

В несколько больших шагов эксперт подскочил к витрине с серебром и шумно перевел дыхание. Но обернувшись снова к Мод, казался все так же вежливо заинтересованным.

– Все это выглядит многообещающе, но изучение коллекции может потребовать времени. Можно попросить у вас воды? Или кофе, если вас не затруднит.

У Мод и мысли не возникло потчевать его чем-либо, но день и вправду был жаркий, а Фраццен, очевидно, очень хотел пить.

– Кофе закончился. Меня не было дома месяц. Я вернулась домой сегодня во второй половине дня. Еще не успела сходить в магазин. Так что если вас устроит стакан воды, я принесу, – отозвалась она.

– Было бы просто замечательно!

Мод вышла из комнаты, оставив дверь полуоткрытой. Эту уловку она придумала еще в детстве. Когда в салоне за бокалом грога и дорогими сигарами сидели гости, Мод подкрадывалась к двери и подглядывала в щелочку со стороны петель. Таким образом она подслушала множество скабрёзных историй. Ее ни разу не поймали.

Шагая по темному паркетному полу соседней комнаты, Мод нарочно старалась погромче стучать каблучками своих домашних туфель. Оказавшись на противоположной стороне комнаты, Мод быстро скинула туфли и аккуратно, на цыпочках прокралась назад, ступая у самой стены – там не скрипели половицы.

Заглянув в салон сквозь щель между косяком и дверью, Мод удостоверилась в правоте своих подозрений.

Фраццен достал из витрины помпезные канделябры с хрустальными призмами, тот самый серебряный кубок семнадцатого века и выставил все это на курительный столик. Однако подвергать вещицы детальному рассмотрению он не стал, а вместо этого двинулся прямо к висевшей на стене картине Цорна. Тут Фраццен повернул голову и бросил взгляд на дверь. Мод стояла неподвижно, затаив дыхание. Решив, что все спокойно, Фраццен вновь обратился к картине.

Душой Мод завладел ледяной гнев. Этот отвратительный проходимец решил ее обмануть! Он не только собирался унести с

собой самые ценные серебряные предметы, он еще решил похитить Цорна!

На цыпочках Мод медленно отошла назад. За спиной у нее была большая изразцовая печь, в былые годы отапливавшая зал, в котором сейчас притаилась Мод. Возле печи стояла подставка с кочергой, щеткой и совком для пепла. Все из тяжелой позолоченной бронзы. Мод тихонько вытащила кочергу и прокралась обратно к своему наблюдательному пункту.

Фраццен уже вытянул руки, чтобы снять картину. Тут тело Мод пришло в движение.

Многие годы Мод играла в теннис – уроки она брала у искусного тренера. Она завязала с теннисом уже лет тридцать назад, но навыки остались. Мод выполнила прекрасный бэкхенд, и удар пришелся прямо по затылку незадачливого вора. Он даже не успел понять, что произошло, просто сразу рухнул лицом вниз. Когда тело Фраццена ударилось о пол, раздался отвратительный хруст. Из-под головы антиквара тут же стала расплываться лужа крови. Но рана на затылке не могла объяснить такой обильной кровопотери. Подойдя ближе, Мод разглядела, что Фраццен, падая, напоролся на решетку очага, и один из острых шпилей вошел ему прямо в глаз.

Фраццен был окончательно и бесповоротно мертв.

Тут Мод сообразила, что оказалась перед лицом весьма серьезной проблемы.

Мод долго неподвижно стояла, глядя на мертвое тело. Перенести его не получится. Отчасти потому, что он слишком тяжел, отчасти потому, что слишком уж глубоко он напоролся на шпиль. Единственное решение – оставить его лежать как есть, здесь, в салоне.

Не трогать тело, но предпринять определенные приготовления в комнате.

Для начала необходимо было обдумать план действий. Самое время достать кофе, купленный в аэропорту.

По дороге в кухню Мод вдруг осознала, что все еще крепко держит бронзовую кочергу. Ее следует тщательно почистить, чтобы не осталось и малейших следов крови. А потом кочергу нужно хорошенько спрятать.

Почуднее устроившись в любимом кресле, Мод потихоньку цедила кофе. На столике перед ней стояла тарелка с наполовину

съеденным яичным сэндвичем. Впереди была долгая ночь, и нужно было набраться сил. Перебрав в уме все возможные стратегии, Мод выработала план, которого отныне собиралась придерживаться. План был железобетонный – Мод ведь не собиралась окончить свои дни в тюрьме.

Она решительно поднялась на ноги и направилась в кухню. Там Мод разыскала пару новых, неиспользованных перчаток для мытья посуды, и надела их, прежде чем войти в уборную. В ванне лежала вымытая кочерга, погруженная в концентрированный раствор хлорки. Мод выпустила воду, вынула кочергу и тщательно протерла ее чистым полотенцем. Этим же полотенцем она обмотала свое оружие убийства, а затем вышла в холл. Там она достала запасную связку ключей, которая всегда висела в шкафчике возле входной двери. Мод тихонько отворила дверь и выглянула в пустой тамбур. От соседей не доносилось ни звука. Большинство, очевидно, разъехались в отпуска.

Держа в одной одетой в перчатку руке запеленатую кочергу, а в другой – карманный фонарик, Мод вышла на лестничную площадку. Ориентируясь на свет, проникавший сквозь маленькое окошко в дверях лифта, Мод двинулась в направлении подвальной лестницы. Всю свою жизнь она прожила в этом доме, и наизусть знала каждую ступеньку и каждый закоулок. Тем не менее, Мод соблюдала крайнюю осторожность, ощупывая ногой каждую следующую ступень. Хуже не придумаешь, чем в такой момент упасть и сломать ногу или лодыжку. Лишь добравшись до подвальной двери, Мод осмелилась включить фонарик.

Скрипя несмазанными петлями, дверь отворилась. Прямо у наличника Мод нашарила выключатель. Когда под потолком зажглись голые лампочки, Мод потушила свой фонарик. Решительным шагом она отправилась к своей кладовой. Эта кладовая тоже была бревном в глазу жилкооператива – у старой одинокой дамы самая большая в доме кладовка! Но Мод нуждалась в кладовой – внутри все было заполнено вещами. Никто на всем белом свете не смог бы впихнуть туда еще хоть одну коробку. Вот только Мод знала, что ищет, и прекрасно представляла, где что находится в ее кладовой.

Передвинув несколько коробок и предметов мебели, Мод добралась до старой отцовской сумки с клюшками для гольфа. На дно сумки Мод отправила полотенце, а затем поставила туда кочергу. Затем сняла

кожаный чехол с одной из ключек и натянула его на выступавший за край сумки конец кочерги. Кожа высохла от времени, но форму сохранила. Никто не заподозрит, что это не клюшка.

Потом Мод метнулась к сундуку, стоявшему у одной из стен. Крышка его была не заперта, и едва Мод ее подняла, в ноздри ей ударил едкий запах нафталина. В сундуке хранилась мужская одежда, а на самом дне были несколько пар мужских туфель. Отец Мод был известным щеголем, и тщательно следил за своей обувью. С возрастом он изрядно поправился, но особенно рослым папа никогда не был. Для мужчины у него были небольшие ступни – сорок первого размера. Мод точно знала, какая именно обувь ей нужна. Немного порывшись в сундуке, она отыскала пару легких летних туфель. Папа редко их обувал, и пара до сих пор выглядела как новая. Торжествующая улыбка расплылась на узких губах Мод, когда она извлекла туфли из защитных шелковых чехлов. Туфли были великолепны: перфорированная светло-коричневая кожа сверху, гладкая кожаная подкладка изнутри.

Затем Мод принялась целенаправленно открывать коробки, стоявшие по соседству. Ей пришлось какое-то время повозиться, прежде чем она обнаружила коробку с забытыми вещами. Там было сложено все, что многочисленные квартиранты Мод забыли забрать с собой за все прошедшие годы. Последний арендатор съехал двадцать пять лет назад, но Мод так и не собралась избавиться хоть от чего-нибудь. Всю одежду она аккуратно сложила в большие полиэтиленовые пакеты. Мод помнила, что среди прочего была черная футболка с длинными рукавами и пара поношенных голубых джинсов. Этот несносный юнец Мартин забыл их. Мод выставила его после того, как однажды поздно вечером Мартин явился домой пьяным. Нерушимое условие, которое Мод ставила перед своими жильцами: никакого алкоголя и курения. А Мартин! Он ведь изучал теологию, и все такое. После того, как Мод хорошенько его пропесочила, он убрался прочь, даже не забрав свои пожитки. А потом так и не вернулся за ними. Теперь Мод найдет им применение – юнец был тощим, и его одежда должна прийти ей впору.

Удовлетворенная результатами своего подвального рейда, Мод тихонько вернулась по лестнице обратно к себе.

Когда колокол на церкви Вазы тяжело пробил двенадцать раз, Мод с заднего двора выскользнула за ворота дома. Время после полуночи – самое темное в сутках, что очень важно. Никто не видел ее одетой в футболку с длинным рукавом, джинсы и отцовские туфли. Свои белоснежные волосы Мод спрятала под накрепко завязанным темно-синим шарфом. Перчатки для мытья посуды Мод сменила на тонкие кожаные. Задние ворота вели на маленькую боковую улочку – как раз туда, куда выходили окна отцовского салона. Вокруг все было спокойно. Со стороны Проспекта доносились смех и гул голосов, скрип трамваев и гудки машин. Всего в нескольких сотнях метров кипела интенсивная ночная жизнь, тогда как поблизости не было ни души. Крайне осторожно Мод затворила калитку и пошла вдоль стены дома. Через несколько шагов она уперлась в строительные леса. Ни секунды не медля, Мод принялась карабкаться вверх. Подтягиваться было немного затруднительно, но Мод справилась. Под декоративным полотнищем было темно, и каждый шаг Мод предваряла тщательным ощупыванием пространства впереди себя. Мод протиснулась мимо окна, но так как оно принадлежало ее собственному залу, волноваться было не о чем. Следующее окно было первым из двух в салоне. Прежде чем выйти на свою ночную прогулку, Мод слегка его приоткрыла. Теперь ей оставалось лишь распахнуть его и влезть внутрь. Не глядя на труп, лежащий у изразцовой печи, Мод прямо в туфлях пошла по полу, прошагав через всю квартиру, прямо к входной двери. Там она взяла вторую связку ключей и отперла все три замка. Затем взялась за дверную ручку, но отворить дверь не стала. Проделав все это, Мод снова заперла дверь и повесила ключи на место.

Теперь пыльные следы вели из салона прямо к входу в квартиру. Пыль была теперь и на запасных ключах, и на дверной ручке. Довольная собой, Мод сделала глубокий вдох, а затем развернулась на каблуках и последовала обратно в салон.

Чтобы хорошо все видеть, она зажгла верхний свет. Никакого риска не было – леса и полотнища напрочь загоразживали окна. Важно было не наступить в кровь. Не сейчас. Мод осторожно приблизилась к курительному столику. Оба канделябра и кубок она аккуратно поместила в большую сумку, которую Фраццен оставил на полу. Молнию Мод не стала застегивать, чтобы было видно содержимое.

По широкой дуге обойдя лужу крови, Мод подошла к изразцовой печи. Рядом с ней, так же, как в соседнем зале, стояла подставка с чугунной кочергой, щипцами для угля и совочком. Мод ухватила кочергу. Без тени сомнения, хорошенько прицелившись, Мод изо всех сил нанесла еще один удар кочергой по хорошо заметной ране на затылке антиквара. Важно было, чтобы форма раны совпадала с формой орудия убийства. Несмотря на то, что обе кочерги на вид были одинакового размера, никогда нельзя полагаться на глазок. Лучше все проконтролировать и не сомневаться.

Удовлетворившись результатом своей деятельности, Мод бросила кочергу в лужу крови, а затем аккуратно поставила одну ногу на внешний край лужи. Потом Мод намеренно немного сдвинула ногу с места, чтобы отпечаток подошвы был нечетким. Затем она потушила свет, подошла обратно к окну и выбралась наружу, на строительные леса. Оглянувшись назад, Мод удовлетворенно отметила, что небольшие следы крови остались на подоконнике и на досках лесов.

Спустившись вниз, Мод прошла немного по улице и обогнула припаркованный около дома автомобиль. У водительской двери она остановилась. Затем сделала большой шаг назад, сняла отцовские туфли и запихнула их в пакет, который предусмотрительно прихватила с собой, положив в карман джинсов.

Подельник Фраццена оставил за собой следы.

Но на этом месте они обрывались.

Оставшись в толстых шерстяных носках, Мод неслышно подошла к воротам.

К тому моменту, как зазвенел будильник, Мод успела пять часов проспять глубоко и без сновидений. Может быть, напряжение отпустило ее, потому что у нее был план, и пока что он работал. Теперь оставалось лишь неуклонно ему следовать.

После своего традиционного завтрака – яйца, бутерброда с сыром и нескольких чашек крепкого кофе, Мод принялась педантично уничтожать все, что могло привести подозрения к ней. Установив в стиральной машине программу для стирки белого, Мод постирала одежду, в которой была ночью. Явных пятен крови на ней не оказалось, но никогда нельзя быть на сто процентов уверенной. Два часа стирки при девяноста градусах должны гарантированно избавить ее от большинства загрязнений. Пока одежда вертелась в горячей воде,

Мод тщательно протерла туфли крепким раствором хлорки. Такое жестокое обращение с папиной прекрасной летней парой было для Мод словно нож в сердце, но ведь все ради благой цели. Тонкие кожаные перчатки она положила в мусорный мешок, туда же отправились и перчатки для мытья посуды и шерстяные носки. Вывоз мусора будет в понедельник утром, и тогда перчатки с носками исчезнут.

Когда стирка закончилась, Мод развесила одежду над ванной. Следом настала очередь постельного белья и полотенец. Их Мод подвергла стирке при шестидесяти градусах. Наконец она запихнула в барабан одежду, которую носила в Хорватии. Таким образом, вопрос случайных пятен крови должен был быть закрыт.

Мод решила, что пришло время перекусить. Из холодильника она достала бутылочку ледяного пива и перелила его в бокал. Сейчас ей хватит пары бутербродов с сыром, из-за жары особенного аппетита у Мод не было.

Всю снедь она составила на небольшой поднос и вынесла на балкон, выходящий на задний двор. На балконе у Мод стояла садовая мебель, и она с комфортом там устроилась. Там, в тени, царила приятная прохлада, и Мод позволила себе насладиться трапезой и покоем.

Вторую половину дня она посвятила уборке ванной, кухни и своих двух комнат. За стенами дома воздух дрожал от зноя, и Мод не испытывала никакого желания выходить на улицу, понимая в то же время, что нужно сходить за продуктами. Все должно идти своим чередом, несмотря на то, что жильцов в квартале сейчас оставалось совсем немного.

Около шести часов вечера Мод выбралась из дому вместе со своими ходунками. В корзинке у нее лежал тщательно завязанный мусорный мешок, который она отправила в один из мусорных баков во дворе. На этот раз, выходя за ворота, у нее не было нужды таиться. Мод медленно пошла в направлении магазина «Хемщёп» по улице Вазаган. Там она купила упаковку из шести бутылочек «народного пива»^[7] Карлсберг, немного овощей и фруктов, картофельный салат, мороженое и цыпленка-гриль. Кофе, молоко, хлеб и сыр она еще вчера приобрела прямо в аэропорту. Этого должно хватить на два дня. А дольше Мод оставаться дома и не планировала.

Вечером на балконе Мод воздала должное цыпленку с салатом. К мороженому она налила себе бокальчик портвейна и сварила чашечку кофе. Если бы не труп, лежащий в салоне, такое завершение прекрасного летнего дня Мод сочла бы идеальным.

Около семи часов утра в воскресенье Мод уже садилась в трамвай, чтобы проехать небольшой отрезок пути до площади Йернторъет. В большой бумажный пакет она сложила выстиранную одежду и мужские туфли, которые обувала злосчастной ночью с пятницы на субботу. В пакет Мод положила также некоторые вещи Шарлотты и кое-какую обувь. Эти вещи хранились в гардеробе у сестры вот уже почти сорок лет – с тех пор, как она умерла. Очевидно, все это нужно было раздать уже давным-давно, но Мод, по правде говоря, не знала, как к этому приступить.

Пакет с одеждой и обувью Мод поставила в приделанную к ходункам корзину и, преодолев едва ли сотню метров, села на нужный трамвай и проехала три остановки. На площади Йернторъет Мод сошла и украдкой огляделась.

В воздухе еще ощущалась утренняя прохлада, но с ясного безоблачного неба вовсю сияло солнце. Днем будет как минимум так же жарко, как вчера. В воскресенье в такой ранний час на широкой площади почти никого не было, лишь отдельные ранние пташки – пассажиры трамваев. Возле ограды уличного кафе лежал старик и спал, приспособив большой рюкзак вместо подушки. Судя по истрепанной и грязной его одежде, старик был бездомным. «Как жаль, что он такого большого роста», – подумала Мод. «Иначе можно было бы оставить пакет прямо рядом с ним».

Мод не спеша двинулась в сторону канала Русенлюнд. Чтобы казаться немного ниже ростом и немного старше, она скрючила спину, держась за поручень ходунков. На голову она натянула белую текстильную панаму с широкими полями, которая скрывала волосы и даже частично – лицо. Никто не обращал внимания на престарелую даму. Перейдя на другую сторону аллеи, Мод направилась в магазин секонд-хенд Армии Спасения. Войдя внутрь, она достала из корзины пакет и оставила его возле двери. Теперь они могут делать с этой одеждой, что им заблагорассудится. Главное – эти вещи теперь не имеют к Мод никакого отношения. Все так же сгорбившись и

приволакивая ноги, Мод возвратилась на трамвайную остановку, чтобы ехать домой.

Остаток дня Мод провела в городе, правда, уже без панамы и ходунков. В уличном кафе в Хаге она отведала прекрасный обед. Вообще говоря, вся историческая часть города была гигантской ловушкой для туристов, но Мод все равно находила ее очаровательной. А что лучше всего – никому из толпившихся на улицах людей не было до Мод никакого дела. Престарелая дама вышла на прогулку в погожий денек – и не более того.

Мод гуляла по городу и вела себя совершенно обыденно.

Когда ужасный шум промышленных моек разбудил Мод около семи часов утра в понедельник, прежде чем спустить ноги с кровати, она сама себе улыбнулась. С прикроватного столика Мод взяла свой мобильный телефон и, отыскав в списке нужный номер, нажала на вызов. На другом конце отозвался молодой женский голос. Мод тут же включила надтреснутый старческий голосок.

– Да, але? Это спа-центр Апельвикен? Вот и славно. Я хотела спросить, не найдется ли у вас свободного одноместного номера с сегодняшнего дня и по пятницу включительно? Всего на пять дней, получается. Верно... в самом деле? Тогда я его беру! С полным пансионом, будьте так добры!

Закончив разговор, Мод включила свой ноутбук. Сначала она забронировала железнодорожные билеты до Варберга и обратно. Поезд должен был отправиться с Гётеборгского вокзала около полудня. Но Мод предстояло решить еще одну задачку в сети. Немного погуглив, она нашла искомое: маленькие слуховые аппараты. Мод заказала два.

Она провела у моря пять прекрасных дней. Окно номера выходило прямо на пролив Каттегат, погода стояла лучезарная, кормили просто потрясающе. Пребывание в спа-центре просто не могло быть лучше.

Когда в пятницу вечером Мод открывала дверь своего жилища, она ощущала довольство. Но едва перешагнув порог, она почуяла зловоние совершенно особого рода. Так как Мод прекрасно знала, что явилось источником запаха, она его просто проигнорировала. Она загрузила грязную одежду в машинку и запустила ее, а потом теплым летним вечером отправилась на прогулку. Вернулась домой Мод уже около восьми, стирка уже закончилась. Развесив одежду, Мод пошла на

кухню и соорудила себе два бутерброда с сыром. Пиво, которое она достала из холодильника, было ледяным. Мод даже не потрудилась перелить его в какой-нибудь бокал. Прежде чем включить телевизор, Мод убедилась, что дверь в коридор плотно закрыта. А чтобы наверняка обезопасить себя от ужасного запаха, она приоткрыла окно. Потом, издав вздох облегчения, Мод погрузилась в свое любимое кресло и включила телевизор. На канале SVT 2 шли «Птицы» Хичкока 1963 года. Это был один из любимых фильмов Мод – отталкивающий, но очень достойно снятый.

Субботним утром, съев свой привычный завтрак, Мод решила, что время пришло. Она сделала глубокий вдох, прежде чем выйти в коридор. Чем ближе Мод подходила к салону, тем более всепроникающим становился тошнотворный дух. Поколебавшись долю секунды, Мод толкнула дверь салона, и бросила взгляд в сторону изразцовой печи. Все было точь-в-точь как неделю назад, за исключением тучи мух и густого запаха разложения. Чтобы ее предполагаемый шок выглядел более убедительно, Мод не стала закрывать дверь полностью. Без особой спешки она вернулась в свою гостиную. Там она взяла мобильный и набрала 112. Когда ответил женский голос, Мод принялась, захлебываясь, причитать:

– Он мертв, ме-ертв!.. такой ужасный запах... Бога ради, полиция... приезжайте! Вы должны приехать! Он лежит... в комнате отца! Совсем... ме-ертвый! О-о-о-о, помогите, кто-нибудь!

Через некоторое время девушка из колл-центра смогла добиться от Мод, чтобы та назвала свое имя и адрес.

– Теперь оставайтесь в своей комнате до тех пор, пока не приедет полиция. Они позвонят в дверь, – проинструктировал женский голос.

– Да-да, обещаю вам. Только ради бога, скорее! – громко всхлипывая, несчастным голосом прошелестела Мод.

Когда Мод нажала на кнопку отбоя, суровая усмешка застыла на ее узких губах.

Дождь монотонно барабанил по стеклам. В небе над городом сомкнулись темные тучи, окутав все вокруг мрачной серой моросью. Неумолимо приближалась осень. В конференц-зале, где собралась команда следователей для обсуждения «дела об убийстве телеантиквара», как окрестила его пресса, горел верхний свет.

Инспектор по уголовным делам Эмбла Нюстрём пребывала в унынии. Фраццена убили вот уже почти три недели назад, а они до сих пор топчутся на одном месте.

– Сейчас мы с вами тщательно обобщим все, что нам уже доподлинно известно по делу Фраццена, и очень скоро его распутаем, – бойко заговорил ее шеф, комиссар по уголовным делам Томми Перссон.

Однако никто из присутствующих полицейских не заразился энтузиазмом начальника. Томми стоял у своего стола и с раскрытого ноутбука проецировал фотографии на блестящую белую поверхность рабочей доски. В данный момент он демонстрировал крупный план раны на затылке Фраццена.

– Травма пришлась на верхнюю часть свода черепа. Два мощных удара были нанесены тяжелой кочергой из литого чугуна. Судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что кочерга явилась орудием убийства.

Томми переключился на крупный план кочерги, которая утопала в луже крови.

– Сам по себе удар вполне мог убить Уильяма Фраццена. Однако причиной смерти, вне всяких сомнений, стало падение на шпиль решетки, острый конец которого вошел покойному в глазницу и далее в мозг.

Следующее фото документировало прошивший глазное яблоко покойного шпиль решетки.

Хоть за те два года, что Эмбла Нюстрём успела отработать в отделе по расследованию тяжких насильственных преступлений, она уже успела сделаться толстокожей, от этой картины ей стало дурно. Возможно, потому что Эмбла видела место преступления собственными глазами. Такое зрелище вряд ли кого-то могло оставить равнодушным.

– Мы пришли к выводу, что убийство произошло в пятницу, десятого августа. На Фраццене была та же одежда, в которой его видели несколько свидетелей во время поминальной церемонии ранее тем же вечером. Судебный медик подтверждает наши выводы. Тело жертвы было обнаружено в субботу, восемнадцатого числа. Из-за жары и насекомых тело успело претерпеть существенные изменения за ту неделю, что пролежало в комнате до обнаружения.

Томми снова быстро переключил фото.

– Здесь у нас отпечаток подошвы в луже крови. Он нечеткий, видна только передняя часть, отпечаток каблука мы получить не смогли. Но криминалисты утверждают, что размер туфли – от сорок первого до сорок второго. Подошва гладкая, очевидно, кожаная. На жертве обувь с такой же подошвой. Только размер Фраццена – сорок четвертый. У нас возникли подозрения, что подельником и убийцей мог стать кто-то из его друзей, принимавших участие в поминальной церемонии, но они обеспечили друг другу алиби на весь вечер и последующую ночь. После поминок все вместе они отправились в Марстранд, где заночевали в дачном домике. Им предстоял ранний подъем для участия в парусной регате.

Затем Томми продемонстрировал фотографии небольших следов крови на подоконнике и несколько едва различимых пятен на строительных лесах за окном.

– Подельник выбрался наружу через окно и, вероятнее всего, скрылся на автомобиле, который был припаркован прямо под окнами, – констатировал комиссар.

– А на этом месте мы застряли, – уголком рта пробормотала Эмбла Нюстрём, обращаясь к сидевшей сбоку Ирен Хюсс.

Томми бросил на Эмблу долгий взгляд, из чего та сделала вывод, что ее тихий комментарий был услышан у доски. Наконец он отвел взгляд и указал на фотографию кровавого пятна.

– На этом все, так как мы не имеем понятия о том, кого антиквар взял себе в компаньоны. Мы выяснили, что подельник взобрался на строительные леса. Очевидно, рассеянная бабка сама открыла окно, так как следы взлома на раме отсутствуют. Просто запрыгнув внутрь, он прошел по квартире и открыл входную дверь. Криминалисты подтвердили наличие следов шлифовальной пыли на всем пути. Ключи висели в шкафчике возле двери, так что отпереть дверь и впустить Фраццена подельнику ничего не стоило. Затем они вместе отправились в комнату, где хранилась коллекция серебра. Там между ними что-то произошло. Очевидно, они поссорились, и подельник ударил антиквара кочергой по голове. Обращает на себя внимание тот факт, что в комнате отсутствуют следы борьбы. Жертву застали врасплох, и напали со спины. Совершив убийство, подельник в спешке удрал через окно.

Ирен Хюсс подняла руку.

– Почему же этот поделщик ничего не прихватил с собой? Серебряный кубок совсем небольшой, его легко можно было утащить, – сказала она.

– Паника, – коротко отозвался Томми.

Разумеется, такое объяснение было наиболее убедительным, но Эмбла совсем не была убеждена. Что-то здесь не сходилось, только она не могла четко определить, что именно.

Томми выпрямил спину и оглядел собравшихся.

– Однако теперь нам известно, откуда Фрацен вообще узнал о существовании коллекции. И о том, где она хранилась.

Наблюдая эффект своих слов, Томми еле заметно улыбнулся уголком рта. Все это время для следователей оставалось загадкой – как антиквар узнал о коллекции? Так что когда Томми вновь заговорил, все безграничное внимание слушателей было приковано к нему.

– Вчера в конце рабочего дня мне позвонила старуха. Она заявила, что начала отходить от пережитого шока. И теперь внезапно на память ей пришла одна вещь. Когда в пятницу она вернулась домой из заграничной поездки, на пороге антикварной лавки она встретила Фрацена. Он уже собирался закрываться. Старуха узнала его – по той телепередаче о древностях, поэтому заговорила с ним. И теперь она практически утверждает, что рассказала ему о кое-каких предметах коллекции, и о том, что они хранятся в витрине в комнате ее отца. Фрацен предложил прийти к ней домой, чтобы провести экспертную оценку коллекции, но предупредил, что время у него появится только по возвращении из отпуска. Она немного бестолкова, эта малышка Мод, но это воспоминание все же всплыло в ее голове. И оно кое-что нам объясняет.

«В принципе, оно объясняет все. Вот только милый антиквар вовсе не собирался ждать до конца отпуска, он планировал нанести этот визит еще до отъезда. И забрать ценности бесплатно», – подумала Эмбла.

– Задержка с объявлением о его пропаже связана с его планами уехать в отпуск? – задала вопрос инспектор Ханну Раухала.

– Да. По словам его сестры, Фрацен собирался на автомобиле поехать в Кале, а оттуда уже переправиться в Англию. Для него было нормально не выходить на связь по нескольку дней, когда он бывал в

отъезде. Но прошла неделя, а сестра так и не смогла дозвониться ему по мобильному. Она встревожилась и объявила о его пропаже. А на другой день малышка Мод обнаружила его тело, – ответил Томми.

«Престарелая дама обнаружила его в собственной квартире...»

Эмбла напряженно думала. Здесь определенно был какой-то изъян, но она все еще не понимала какой.

– Но она ведь должна была ночевать в квартире в ночь убийства. Неужели она ничего не слышала? – громко спросила Эмбла.

Томми слегка наморщил лоб, и Эмбла поняла, что забыла попросить слова.

– Разумеется, я спросил ее, слышала ли она что-либо. Она сказала, что после долгой дороги чувствовала себя совершенно разбитой, поэтому рано легла спать. Примерно в половину десятого. У нее слабый слух. Слуховые аппараты она носит на обоих ушах, но на ночь всегда их снимает. А еще она всегда закрывает на ночь дверь в свою спальню. Кроме того, она приняла снотворное. Так что в ту ночь она была совершенно отрезана от мира, как сама она выразилась.

Эмбла всегда считала, что у стариков чуткий сон, но причины, по которым не проснулась от шума престарелая дама, показались ей вполне убедительными. А еще весьма удобными для воров.

– А нам вообще хоть что-то известно о парне, которого Фрацен прихватил с собой? – поинтересовалась Эмбла, предварительно прилежно подняв руку.

Томми состроил скорбную мину.

– Нет. О нем известно лишь то, что это мужчина, предположительно, среднего роста или немного ниже, размер его обуви – сорок один или сорок два. Никаких отпечатков пальцев или следов ДНК. Он был в перчатках.

Эмбла тут же снова вытянула руку и спросила:

– А что за следы обнаружили криминалисты?

– Убийца оставил лишь нечеткий отпечаток половины подошвы в крови на полу и еще несколько небольших пятен крови по пути, когда покидал место преступления. Большинство отпечатков пальцев, обнаруженных в комнате, не годятся для исследования – они слишком старые. Самые свежие из них принадлежат самой Мод. На руках Фрацена были хлопчатобумажные перчатки, так что он отпечатков не

оставил. Но в отличие от своего подельника, предоставил нам массу собственной ДНК.

Коллеги заулыбались, услышав свежую шутку шефа.

– А на кочерге отпечатков не обнаружили? – не унималась Эмбла.

– Нет. Только старые, нечеткие. Свежих нет.

Прежде чем продолжить, Томми сверился со своими записями:

– Как вам уже известно, Уильям Фрацен был гомосексуалом. Этого факта он не скрывал и жил вполне открыто. Однако, по словам его сестры, в данный момент у Фрацена не было постоянных отношений. Товарищи, с которыми он встречался на поминках, подтверждают это.

Эмбла вновь подняла руку.

– Разве стал бы он брать на дело нового партнера? – спросила она.

– Нам это не известно. Им вовсе не обязательно быть парой, они могли быть просто подельниками.

Некоторые из коллег снова заулыбались, но Эмбла никак не могла остановиться:

– Мне не дает покоя то, что этот парень забрался внутрь через открытое окно. И что это оказалось окно той самой комнаты, где хранилось серебро. Слишком удобно, вам не кажется? Окна не видно с улицы, и распознать, что оно открыто, было невозможно. Леса и декоративные полотнища скрывают его целиком и полностью. Мы проверяли.

Эмбла сделала жест в сторону Ирен, которая тут же утвердительно кивнула.

Томми слегка пожал плечами.

– Возможно, ему просто повезло. Если бы окно не было открыто, он, очевидно, воспользовался бы стеклорезом, вырезал отверстие и открыл раму. Никаких проблем, минутное дело, – отозвался он.

Совершив кровавое убийство, оставить только половинчатый нечеткий отпечаток подошвы и несколько небольших следов крови по пути следования – это какой-то отдельный вид искусства. А еще Эмбла никак не могла понять, почему подельник не забрал хотя бы кубок. Кстати... почему подельник?

– А убийца разве не мог быть женского пола? – вырвалось у Эмблы прежде чем она успела хорошо обдумать эту мысль.

Шеф обернулся к ней, удивленно приподняв бровь.

– Размер обуви сорок один – сорок два... маловероятно, – насмешливо произнес он.

Прежде чем группа разразилась смехом, Ирен успела водрузить свою обутую в ботинок ступню на край стола.

– Я ношу сорок первый, – объявила она.

Коллеги тут же поспешили спрятать свои усмешки за покашливанием. В Ирен Хюсс было сто восемьдесят сантиметров над уровнем моря, так что иметь крупные ноги для нее было совершенно нормально. Эмбла посмотрела на нее с благодарностью. Из-за того, что Эмбла в отделе была самой молодой, коллеги частенько не могли удержаться от того, чтобы щелкнуть ее по носу или другим способом поставить на место.

Ирен, не убирая ноги со стола, продолжила:

– У меня, на самом деле, есть одна мысль... Если предположить, что убийца – женщина, то у нашей старушки возможностей было больше всего.

Теперь уж Томми рассмеялся от души.

– Seriously? Восьмидесятивосьмилетняя глухая бестолковая старуха? Она, по-твоему, разбила голову мужику в два раза моложе себя и в два раза крупнее? А совершив убийство, спустилась вниз по строительным лесам, и убежала по улице? Ни за что не поверю. Она, черт возьми, пользуется *ходунками!*

Остальные послушно засмеялись. Серьезными оставались лишь Ирен с Эмблей.

В случае, если высказанное ими предположение имело под собой основу... все внезапно вставало на свои места. Мотивом преступления могло стать то, что Мод застукала Фраццена за кражей серебра. Вероятно, она сама его впустила. Вот только... она же спала в одной квартире с трупом несколько ночей. А тем утром в субботу, когда Мод обнаружила тело, они прибыли на место и застали ее совершенно раздавленной и в полной растерянности. Она ведь так стара... Нет, этого не может быть. Но все же...

По мере того как время шло, а расследование продолжало топтаться на месте, Эмбла еще неоднократно мыслями возвращалась к своим умопостроениям.

За несколько дней до Рождества на утренней планерке Томми Перссон объявил:

– Расследование по делу Фраццена приостановлено. За осень накопилось множество новых дел, и нам необходимо перенаправить все ресурсы на их раскрытие.

«Мои поздравления, малышка Мод. Тебе удалось выйти сухой из воды», – про себя проговорила Эмбла.

Примечания

1

Шведский полутвердый сыр жирностью 30–45 %, соответствует сорту «Эмменталь».

2

Традиционное блюдо шведской кухни, запеканка из картофеля, лука, маринованных анчоусов, панировочных сухарей и сливок, обычно подается к рождественскому столу.

3

Обряд осознанного исповедания веры в протестантских церквях.

4

День середины лета, отмечается в ближайшую после 19 июня субботу.

5

Аэропорт в Копенгагене.

6

Традиционное название пяти видов млекопитающих, наиболее почетных «трофеев» африканских сафари – слон, носорог, буйвол, лев, леопард.

7

Крепость «народного», т. е. слабоалкогольного пива составляет от 2,25 до 3,5 градуса, позволяя обычным магазинам, не относящимся к государственной сети винно-водочной торговли «Систембулагет», продавать напитки данной категории.